

Ирина Мельникова

Ср
Семильный оберег
Отражение звезды

Ключи судьбы

Фамильный оберег

Ирина Мельникова

**Фамильный оберег.
Отражение звезды**

«ЭКСМО»

2012

Мельникова И. А.

Фамильный оберег. Отражение звезды / И. А. Мельникова —
«Эксмо», 2012 — (Фамильный оберег)

ISBN 978-5-699-55423-2

Это казалось невероятным, но Татьяна очень точно указала археологам место на карте, где ее дальний предок, князь Мирон Бекешев, триста лет назад построил крепость. Она впервые прилетела в Сибирь, но все здесь было ей знакомо. Эти горы и долины, что она увидела то ли во сне, то ли наяву... Руководитель экспедиции Анатолий, бредивший раскопками, верил всем рассказам Татьяны. В ней текла древняя кровь гордой сибирской княжны Айдыны, девушки-воина, страстно и горячо полюбившей Мирона, который приехал покорять новые земли. Татьяна словно воочию видела, какие страсти разгорались здесь в былые времена. Ведь не зря она не снимая носила серьги и перстень, когда-то принадлежавшие княжне...

ISBN 978-5-699-55423-2

© Мельникова И. А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирина Мельникова

Фамильный оберег. Отражение звезды

Когда-то крепкие царства стояли в кыргызской степи. Тучные стада паслись у подножий горбатых сопок. Быстроногие табуны, сминая ковыль, проносились вихрем в облаках пыли, багровой в лучах заката. На мгlistом седом горизонте щетинились, словно копья несметного войска, острые пики гор. А над синей по окоему вечерней степью заунывно рыдал пастуший рог, глухо урчало эхо, дробясь в распадках, поросших редким лесом.

Над кошменными юртами вился дымок. Пах он пряными травами, что отгоняли нечистую силу. В юртах рождались и умирали, смеялись и плакали, варили жирную похлебку и сытную кашу. Ели сами, кормили детей, угощали гостей, потчевали злых и добрых духов. Поклонялись древним камням с суровыми ликами, приносили жертвы богам.

Кости стариков покоились в земле; объятия молодых были неистовыми, стоны – сладостными, а слезы – горячими. В иступлении извивались тела, страстные вопли будили зарю. Свет звезд отражался и пламенел в глазах влюбленных. А после рождались дети. Столь же буйные и сильные, ловкие и яростные – как в битве, так и в любви.

Туманы кочевали в долинах; росы покрывали траву; после щедрых ливней разноцветные радуги повисали над степью.

Большая вода несла торговые парусники. Шли по горным тропам через перевалы конные и верблюжьи караваны купцов. Везли товары со всего света. Шумели богатые ярмарки: отбрасывала золотые блики посуда с далекого Инда, звонко ржали тонконогие арабские скакуны, били по рукам барышники-ногайцы, раскладывали шелка-бархаты бухарцы. Жажда наживы сводила к одному котлу прокаленного горячими ветрами араба, смуглого перса и узкоглазого сына Поднебесной.

А из глубин Азии, будто ветром сорное семя, поднимались несметные орды номадов и мчались по степи, неся смерть и разрушения. Лбами бревен, окованных железом, разбивали городские стены, на развалинах строили свои крепости, заводили свою торговлю, на костях побежденных утверждали свое владычество.

Но следом накатывали новые завоеватели. Тьмы и тьмы необузданных полчищ с диким ревом и ржанием, лаем и топотом, взмахом клинков и заревом пожарищ втоптывали в землю вчерашних победителей и кровью смывали их веру, законы и саму память о них...

В тучах песка и сами несметные, как песок, они текли, гонимые властной рукою своих ханов, текли и завивались на бродах и кормных пастбищах, как песок завивается вокруг серых камней.

От топота коней, от скрипа и грохота арб дрожала и стонала земля.

Неслись по ветру сухие листья и шары перекасти-поля, и, следом, как солома, пролетала жизнь...

Несчетные орды надвигались на степь и таяли, превращаясь в затейливую дымку, исчезающую бесследно, когда приходил тому час. Оставалась о них лишь память людская – память недобрая, цепкая, страшная.

Но выносливый и упрямый народ – степняки! Подобно горькой полыни, они пышно и отважно прорастали вновь и вновь, сколько ни заливали их кровью, ни топтали копытами. Ведь и полынь не дает цвета годами, а потом вдруг, вопреки всему, поднимется, расцветет, а дух какой по степи пойдет... Запах этот, ни с чем не сравнимый, – запах бесконечности, вольного ветра, вечной жизни... И любви!

Глава 1

Лайнер заходил на посадку над бурыми сопками. Мелькнула гладь реки. Ключья облаков плыли над городом, который стремительно приближался. Еще пара мгновений, стук шасси о бетон... И понеслась навстречу взлетная полоса.

Самолет подрулил к зданию аэровокзала – столь же серому и печальному, как все вокруг. Стюардесса попросила оставаться на местах до полной остановки двигателей. Косые струи дождя ползли по иллюминатору, размывая картинку за стеклом: серая трава, серые кусты, серый металлический забор... Татьяна вздохнула. Лето в Хакасию не торопилось. Но тут она увидела Анатолия в мокрой куртке, с огромным букетом в руках. Служащий в форменном комбинезоне, преградив ему путь, показывал на здание аэропорта, видно, объяснял, что нельзя встречающим находиться на летном поле. Археолог в ответ оживленно жестикулировал, улыбался и кивал на самолет. Затем приложил телефон к уху. И тотчас в кармане Татьяны весело затренькало.

– Таня, ау! – радостно прозвучало в трубке. – Как долетела?

– Хорошо долетела! – засмеялась она в ответ. – Жива!

– Ты не спеши, я сейчас поднимусь в самолет, – сообщил Анатолий.

Она облегченно вздохнула.

Все опасения, уныние, страхи смыло бурным потоком его энергии, которая ощущалась даже на расстоянии. Казалось, и тучи расступились под этим мощным напором, пропустив лучи солнца. И сразу все преобразилось. Засверкало, засияло, заискрилось, заиграло многоцветьем красок и запахов. Да, именно запахов, потому что в это время открыли выходной люк, и пассажиры потянулись к нему. Татьяна взялась за костыли. Одна из бортпроводниц тотчас бросилась к ней.

– Вам помочь?

Татьяна не успела ответить. Держа букет над головой и лавируя между пассажирами, к ней протиснулся Анатолий.

– Танюша! Вот и я! – возвестил он на весь самолет.

Вручив ей мокрый букет, подхватил на руки и направился к выходу. Следом едва поспевала стюардесса с костылями в руках. Татьяна коляска уже дожидалась хозяйку недалеко от трапа, а рядом с ней стояла краснощекая скуластая девушка в джинсовом комбинезоне и каучуковом плантаторском шлеме.

– Люся, подъезжай! – крикнул сверху Анатолий.

Через минуту Татьяна сидела в коляске. Краснощекая девушка улыбнулась ей.

– Люсей меня зовут. Я – ассистент Анатолия Георгиевича.

– А меня Таней, – кивнула Татьяна. И посмотрела на Анатолия. – Кажется, я плохо себе представляла, во что ввязалась.

– Что значит «ввязалась»? – удивился он. – Самое страшное позади! Ты в Хакасии, на родине предков! Радоваться надо, а ты, вон, нос повесила!

– Я буду тебе обузой! – Татьяна виновато улыбнулась. – Я на костылях едва передвигаюсь...

– Какие костыли? – Анатолий прищурился. – Мы тут живо заставим тебя бегать!

– Твой оптимизм меня пугает, – нахмурилась Татьяна. – Лучше уж горькая правда, чем сладкая ложь!

Анатолий смерил ее взглядом.

– А твой пессимизм настораживает. Слезами болезнь не победишь.

– С чего ты взял, что я плачу? Лучше настраиваться на худший вариант, а там посмотрим. По крайней мере, не обидно будет...

Отправив Людмилу получать Татьянин багаж: саквояж, складной мольберт и ящик с красками и кистями, Анатолий повез Татьяну к выходу с летного поля. У ворот толпились встречающие и бодрые таксисты, предлагавшие подбросить куда душе угодно. Но таксисты остались несолоно хлебавши. Анатолия окликнул молодой, но уже седой мужчина в камуфляже, пожал ему руку, кивнул Татьяне и сказал, что машина ждет на стоянке.

– Знакомься, Таня! Мой друг Борис, – представил его Анатолий. – Служит в МЧС и всегда выручает с машиной. Она у него даже по воде аки посуху летает.

– В Барсучью падь? – не спросил, а уточнил Борис. – Девушка выдержит дорогу?

– Выдержит! – Татьяне не понравился тон местного спасателя. – Хуже бывало!

– Простите, – смутился Борис. – Не хотел вас обидеть. Все же пять часов перелета, ночь без сна...

– Таня, я вправду дурак. Не подумал...

С озадаченным видом Анатолий почесал в затылке.

– Давай ко мне сначала. Примешь душ, отдохнешь. Мама жаждет с тобой познакомиться. И улыбнулся смущенно.

– Мне просто хотелось похвастаться. Все подтвердилось! Мы нашли-таки Абасугский острог! Пока снимаем дерн, делаем зачистку раскопа, но валы кое-где подмыты водой. Уже есть первые находки. Пока незначительные, но скоро, надеюсь, пойдут артефакты покрупнее и поинтереснее.

– Поедем скорее, – улыбнулась Татьяна. – Мне не терпится увидеть все своими глазами.

– В принципе, – снова запустил руку в волосы Анатолий, – в лагере мы баньку соорудили.

А на житье тебя определили в настоящую юрту к бабушке Таис.

– А вот и я!

Люся толкала перед собой тележку с вещами Татьяны.

– Все в целости и сохранности.

– Тогда по коням? – спросил Борис и, подхватив багаж, направился к машине – выдавшему виды внедорожнику.

– По коням! – Анатолий вновь подхватил Татьяну на руки, хотя, видит бог, до машины вполне можно было добраться на коляске. Татьяна не успела даже запротестовать. Впрочем, ей было уютно в этих крепких руках. Анатолий донес ее до машины, проделав это легко и с явным удовольствием.

Женщина всегда чувствует расположение мужчины, особенно если оно переросло в симпатию. Судя по всему – взаимную. Теплое дыхание касалось ее лица. Даже сквозь куртку она ощущала биение его сердца. Левой рукой он поддерживал ее под колени, правой прижимал к себе. А когда посадил на заднее сиденье, то склонился так близко, что она разглядела крошечную родинку на виске. Очень опасно склонился. Почти поцеловал. И глаза сверкнули опасно, отчего забилося сердце. Быстро-быстро, словно птица в силках.

Татьяна мигом одернула себя. Могло ведь и показаться. Она тревожно смотрела в черные, точно спелая смородина, глаза и не могла понять, что ей сулит ответный взгляд. Острый, пронзительный, горячий... От которого пробирает дрожь, от которого нет спасения, разве что спрятать голову в песок? Но и так, наверно, не спастись...

Со стороны ситуация, разумеется, выглядела комично. Анатолий, согнувшись, наполовину в машине, но все еще держит в объятиях гостью. Она, обхватив его за шею, забыла, что нужно убрать руку. Его пальцы коснулись ее щеки. Едва заметно коснулись. Но оба вздрогнули. А лица их были так близко друг от друга, что впору кричать «Горько!».

Но Борис, видно, не понял, потому что прокричал другое:

– Толик, чего там возишься? Поехали! Охота по жаре добираться?

Анатолий живо выпрямился, обежал машину, и устроился на заднем сиденье около Татьяны. Люся расположилась рядом с водителем. Шлем она сняла. Под ним прятался мальчишеский упрямый ежик.

Она провела ладонью по голове. Заметив взгляд Татьяны, засмеялась:

– Смешно? Зато не жарко! Мы ведь весь световой день в поле. Спешим! А то вдруг дожди зарядят, зальет раскопы водой.

– Тьфу на тебя! – махнул рукой Анатолий. – Язык у тебя, Людмила, как помело. Наговоришь тут: дожди... зальет...

– Обижаете, командир! – надулась девушка. – Я ведь о деле болею!

– Ты, Люсь, на грубость нарываешься. Еще раз о дожде вспомнишь, уши оторву!

Анатолий показал ей внушительный кулак. Люся смерила его негодующим взглядом, фыркнула и отвернулась.

Татьяна про себя подивилась подобной манере общения руководителя и ассистента. Но Анатолий поспешил разяснить ситуацию.

– Люська – моя племянница. Дочь старшей сестры. Кандидатскую пишет, а по жизни пацан пацаном.

– А ты – не руководитель, а узурпатор, – парировала Люся и бросила через плечо: – Это он перед гостями – пушистый зайчик. А с аспирантами – серый волчище. Вкальываем, как рабы на плантациях. Как только солнышко взошло – подъем. Быстрый завтрак, кайла в руки – и пошел! И так каждый день: от рассвета до заката!

– Орешек знаний тверд, но мы не привыкли отступать, – ухмыльнулся Анатолий. – Нам расколоть его помогут кайла и аспирантов рать! – И похлопал племянницу по плечу. – Ты знала, какую профессию выбирала. Чего жалуешься? Таня ведь не ревизор из Академии наук.

– На тебя бесполезно жаловаться! – снова фыркнула Люся.

Борис покосился на нее.

– Что-то не похоже на тебя, Людмила? Чего с утра ополчилась на Толика?

– Раиса вчера звонила, – буркнула Людмила. – Мозги снесла...

– Что опять?

Татьяна почувствовала, как напрягся Анатолий.

– Говорит, до пяти лет ей грозит. Просит, чтоб забрали заявление.

– Как она это себе представляет? – лицо Анатолия вмиг изменилось. – Разве она у меня украла?

Радостное оживление словно стерли ластиком. Он нахмурился.

– Нужно было думать, когда лезла в музейные запасники, как в свой карман. Теперь пусть отвечает по закону.

– Она говорит, что это повод отнять у нее сына, – тихо сказала Люся.

– Глупости! – Анатолий покраснел от негодования. – Она не думала о сыне, когда пошла на преступление. Если ее осудят, естественно, я заберу сына к себе.

– Она не воровала, – Люся резко повернулась. – Раиса говорит, что не хватало денег на путевку Кириюше, и она просто на время сдала часы в ломбард. Потом бы выкупила с отпускных.

– Раиса получала солидные алименты, так что ее разговоры – сплошное вранье! Я мог бы заплатить за путевку. Но она ко мне не обратилась. И, как выяснилось, не в первый раз использовала хранилище как личный чулан. – Анатолий с виноватым видом посмотрел на Татьяну. – Вот так, сразу, с места в карьер... В самую помойку наших проблем!

– Раиса, конечно, женщина непростая. Характер – врагу не пожелаешь, – подал голос Борис, – но жизнь ее наказала.

– Жизнь ее еще не наказала, – устало сказал Анатолий. – Пока она под следствием и под подпиской о невыезде.

Татьяне очень хотелось узнать, кто такая Раиса? Если у нее сын от Анатолия, то наверняка его бывшая жена? Бывшая, потому что Анатолий платит алименты. Но в разводе ли он с женой?

Честно сказать, за год знакомства они ни разу не заводили разговор о своем семейном положении. Ее отношения с Виктором пришли к закономерному концу еще в больничной палате. Анатолий не носил обручального кольца. Но спросить, женат ли он, Татьяна не решалась. Жизнь научила ее не верить в радужные перспективы. Не строить далеко идущие планы. Не мечтать и не обольщать себя надеждами. Она – жалкий инвалид, жертва собственной беспечности. Анатолий, верно, навещал ее из жалости. Зачем ему обуза? Женщина, которая едва-едва передвигается с помощью костылей и не в состоянии самостоятельно спуститься с крыльца.

С другой стороны, с какой стати он возится с ней? Пытается смягчить чувство вины? Но он ни в чем не виноват. Ни в том, что она стала калекой, ни в том, что ее жизнь пошла под откос. Обычный свидетель дорожно-транспортного происшествия. Правда, равнодушный свидетель: успел вытащить ее из машины до того, как та загорелась, оказал первую помощь, дождался приезда «Скорой» и машин ГИБДД. Честь и хвала ему за это. Но так многие поступают, а затем – исполнил свой гражданский долг и – прощай! Но Анатолий весь год писал ей письма. Потом пригласил в Хакасию. Зачем он ее опекает? Носит на руках? Теперь вот везет на раскопки. У него что, своих проблем не хватает? Судя по всему, их выше крыши...

Татьяна совсем запуталась в догадках и решила отложить их на другое время, когда получится отдохнуть.

Ее спутники молчали. Правда, Борис и Люся иногда перебрасывались парой-другой слов типа: «Тебе, не дует?», «Спасибо, нормально!».

За окнами мелькали рыжие пологие сопки, поросшие редкими березняками и сосновыми борами. Сопки походили на застывшие в беге волны. Над ними висели белые облака, похожие на сахарную вату. Яркое сияло солнце. А само небо было бледно-голубым, точь-в-точь как забывудки, что росли у обочины.

Татьяна приспустила стекло, вдохнула горьковатые запахи. Сопки ближе подступили к шоссе, и она увидела, что они затянуты сплошным ковром мелких розовых соцветий.

«Ирбен, – внезапно пришло в голову. – Ирбен цветет...»

– Что? Что ты сказала? – Анатолий словно очнулся от своих мыслей.

Оказывается, она, того не сознавая, произнесла «ирбен» вслух.

Татьяна смутилась.

– Ирбен цветет. Так эта трава называется?

Анатолий внимательно посмотрел на нее.

– Да, хакасы называют ее ирбен, русские – чабрец или богородская трава.

Он взял ее за руку, заставив развернуться лицом к нему.

– Таня, ты очень точно указала место на карте, где был построен острог. Мы искали его гораздо севернее. Теперь, оказывается, ты знаешь, что такое «ирбен». Расскажи мне, откуда тебе известно про острог? Слушай, это невероятно! Такого просто не бывает!

– Я ведь ни на чем не настаивала. Но ты поверил мне... – тихо сказала Татьяна. – Мне стало вас жалко. Третий год бьетесь, и никаких результатов.

– Но как ты узнала, что мы бьемся третий год? Я ведь не рассказывал.

– В Интернете прочитала, – неохотно ответила Татьяна. – Мне было интересно узнать о тебе чуть больше. Наткнулась на некоторые статьи, интервью... Кое-что сопоставила и написала тебе. Я не думала, что ты сразу отправишься на разведку.

– Я не отправился. Я полетел в Барсучью падь сломя голову, – улыбнулся Анатолий. – Едва дождался конца марта, когда снег мало-мальски сойдет. Я просто сгорал от нетерпения. И очень боялся, что падь окажется в зоне затопления Красноярского водохранилища. К счастью, ты все указала верно. Раскопки можно было начинать в мае, но Росохранкультуры почти

месяц тянул с выдачей Открытого листа. А без него раскопки проводить нельзя. Пришлось доказывать, спорить, ругаться. Чиновников ведь сроки не поджимают.

Анатолий вздохнул, помолчал мгновение. И продолжал:

– Время, конечно же, острог не пощадило. Все вокруг заросло редколесьем. Мороки с ним – не приведи господь! Но не будь кустов, все бы снесло весенней водой в реку. Один камень остался бы. До культурного слоя там недалеко – с метр копать. Похоже, острог горел, а может, и сожгли его. Тогда это было в порядке вещей. А тот, который поставили позже, сейчас недоступен. Это место застроили многоэтажными домами еще в семидесятых. Раскопки велись, но наспех, ведь возводили город для строителей ГЭС. – Он с досадой махнул рукой. – Сама понимаешь, не до истории было. Острог – это комплексный памятник. К сожалению, большинство сибирских острогов до сих пор не раскопаны полностью. Или сильно разрушены, или застроены современными городами, а то затоплены водами водохранилищ. Абасугский острог – один из немногих памятников русской фортификации в Сибири, что находится вне зоны доступа человека. Тем и бесценна наша находка. В истории русского освоения Северного Присаянья столько еще белых пятен!

– Толик, – подал голос Борис, – не засоряй девушке мозги. – И взглянул в зеркало заднего вида на Татьяну. – Его ж только зацепи! Дни и ночи о своем остроге бубнит, бубнит...

Анатолий виновато улыбнулся.

– Прости, Таня, но без твоей подсказки мы бы еще не один год бродили вокруг да около того распадка, что указан на картах восемнадцатого века. Места там дикие. Разве рыбаки иногда забредают. До сих пор не пойму, чья тут ошибка: то ли строителей острога, которые мало смыслили в картах, то ли это было сделано намеренно, чтобы сбить кого-то с толку. Но кого хотели провести? Однозначно, не кыргызов. Те без всяких карт знали, что творилось вокруг. И поджог острога наверняка их рук дело. По «скасам» Сибирского приказа известно, что острог построили в 1702 году чуть ли не в двадцати верстах севернее. Выходит, в первую очередь ввели в заблуждение Сибирский приказ. Но с какой целью? Зачем? Кто кого хотел запутать?

– Два десятка верст туда, два десятка – сюда, – усмехнулся Борис. – По сибирским меркам – сущая пустяковина!

– Пустяковина? – поразился Анатолий. – Мы столько денег и сил вбухали в разведку. А, оказывается, искали дырку от бублика!

– Выходит, это тебя водили за нос, – снова засмеялся Борис. – Думали, вот нагрывают лет этак через триста археологи, губу раскатают! Ан нет, кукиш вам! Представляю, как хихикал какой-нибудь дьяк, радостно ладошки потирал, когда эту карту рисовал. Словом, получил ты, Толик, плевок из прошлого.

– Глупости, – насупился Анатолий, – никто не хихикал и ручонки не потирал. Это – ошибка, но чья и зачем, этого уже не узнать. В «скасах» Сибирского приказа о первом остроге – три-четыре строчки. Год основания, размеры, количество башен и имя приказчика – Мирона Бекешева. Как оказалось, вашего предка, Таня.

– А вдруг это совсем не тот острог? – подала голос Людмила. – Я имею в виду, что не тот – первый на Абасуге, а какой-то другой, неизвестный.

– Ничего умнее не могла придумать? – рассердился Анатолий и даже покраснел от негодования. – Ты – историк! Археолог! Неужто думаешь, что остроги росли в Сибири как грибы и никто этот процесс не контролировал? Я допускаю, что не все зимовья были учтены, но и в том сильно сомневаюсь. Учет в Сибирском приказе был поставлен на должном уровне. Новость о любом укрепленном русском поселении мигом расходилась по всей округе. Кроме того, упустила тот факт, что эти края просто нашпигованы были всякого рода лазутчиками: и русскими, и джунгарскими, и монгольскими, и даже маньчжурскими. Богдыхан всегда держал руку на пульсе. Очень ему не нравилось, что русские продвигались все дальше и дальше на юг Сибири.

– Обижает, дядюшка, – огрызнулась Людмила. – Все я знаю и понимаю. Но, может, и не острог это вовсе, а раскольничий скит. Староверы тоже нехило укрепляли свои деревни.

– Люся! – Анатолий даже пристукнул кулаком по спинке ее сиденья. – Укрепляли! Но не валами же и не рвами! Ты считаешь меня профаном?

– Не считаю я тебя профаном, – отмахнулась Люся. – Но ведь эта информация...

Тут Татьяна поймала ее взгляд в зеркале заднего вида, и он ей крайне не понравился.

– ...эта информация ничем не подкреплена. Настоящий ученый трижды все перепроверит, а ты ринулся очертя голову...

– Людмила, – с угрозой произнес Анатолий, – и ты туда же?

– Постой! – Люся обернулась. Лицо ее пылало от негодования. – Ты можешь меня разок выслушать? Своим безрассудством ты поставил под угрозу наш проект. Если этот острог, – в каждом ее слове сквозило презрение, – окажется очередным мыльным пузырем, я тебе не позавидую. Советую запастись бронежилетом и... – она нахлобучила шлем на голову, – строительной каской. Мадам Коломийцева церемониться не будет. Она тебе такой крик на лужайке устроит! Не видать нам финансирования как своих ушей.

– За этот сезон можно не беспокоиться, – угрюмо произнес Анатолий. – Освоим грант Потанинского фонда. Зря, что ли, за него боролись?

– За этот грант с нас тоже спросят! – продолжила Люся не менее запальчиво. – Отчет по-любому потребуют.

– Девушка! – Борис тронул ее за плечо. – Уймись! Гостью напугаешь! И Анатолия не трожь! Спросят с него. Тебе какой резон волноваться?

– Волноваться?

Люся тряхнула головой. Шлем сполз ей на нос. Она фыркнула, щелчком вернула его на место.

– Разве я волнуюсь? Я сейчас взорвусь от бешенства!

И отвернулась.

– Во как! – расхохотался Борис. – Взорвешься и всю машину испачкаешь! Кто отмывать будет?

Людмила что-то сердито ответила. Борис снова засмеялся.

Анатолий взял Татьяну за руку.

– Прости! Это наши внутренние склоки. Тебя это не касается.

– Как же не касается? – Татьяна посмотрела ему в глаза. – Ты поверил мне на слово. Конечно, это опрометчиво. Но я знаю, я верю, что острог именно в Барсучьей пади. Утес? Там есть утес?

– Есть! Только это скорее не утес, а скальный обрыв. Река сейчас отступила, но когда-то острог находился довольно близко к воде. Я забыл сказать, что мы обнаружили что-то вроде ступеней, явно не естественного происхождения. Их вырубili в скале.

– Это пока догадки, – не вытерпев, подала голос Людмила. И не сдержалась, добавила с язвительными нотками в голосе: – Не знала я, дядюшка, что ты столь падкий на всякие измышления. Конечно, три года поиска направят кого угодно...

– Люся, – Татьяна постаралась, чтобы ее голос звучал мягко, – я вас понимаю. Но уверяю, вы найдете то, что ищете. И больше того... – она закусил губу, – вы разгадаете не только эту тайну.

Люся повернулась снова. В глазах ее светилось неприкрытое ехидство.

– Вот оно что? Вы провидица? Ванга или Нострадамус? Откуда вы взяли информацию об остроге? Вещий сон увидели, на кофейной гуще нагадали?

– Людмила! – рявкнул Анатолий. – Прекрати! Совсем ошалела?

– Не надо, – Татьяна жала его ладонь. – Уж поверьте, я не хотела никого обмануть.

Люся снова фыркнула. На высоких скулах проступил гневный румянец.

– Да уж, – сказала она и смерила Татьяну презрительным взглядом. – Мой дядюшка в своем репертуаре!

– Людмила, – в голосе Анатолия прозвучала угроза, – сейчас ты выйдешь из машины, и наше сотрудничество прекратится навеки. Я повторяю: *навек*! А для тебя это чревато сама знаешь чем!

– Не надо! – тихо сказала Татьяна. – Я бы тоже не поверила, наверное! Пока я не могу сказать, откуда мне известно об остроге. Но это достоверная информация. Без всякого сомнения. Ошибка исключена! Вероятно, наступит то время, когда я смогу рассказать вам все, что знаю о тех событиях. Сейчас я не готова. Это странно, необъяснимо, и я не хочу, чтобы меня...

Она чуть было не произнесла: «...приняли за сумасшедшую», но быстро поправилась:

– ...сочли за сказочницу.

Люся дернула плечом, хмыкнула, но промолчала.

Анатолий снова сжал руку Татьяны.

– Не обращай внимания, – прошептал он. – Люська реально боится за наш проект и за меня, естественно.

– Ничего страшного, – Татьяна улыбнулась в ответ. – Я все понимаю. Приедем на место, осмотрюсь, возможно, всплывут кое-какие подробности.

– Всплывут? О чем ты? Ты ж говоришь, никогда не бывала в Хакасии? А на Абасуге тем более. Или все-таки что-то скрываешь?

– Прошу тебя, – Татьяна отстранилась и в упор посмотрела на него. – Обещаю: как только буду готова ответить на твои вопросы, сама скажу об этом. Потерпи! Пожалуйста! Очень прошу! Это случится скоро, но точно не знаю когда.

– Хорошо, я потерплю, – Анатолий окинул ее внимательным взглядом. – Очень надеюсь, только до конца сезона. Самого удачного сезона!

Тут он посмотрел в окно и произнес восхищенно:

– Вот она наша степь! Смотри! – Он перевел глаза на Татьяну. – Здешняя земля насквозь пропитана кровью. Когда-то прошли по ней гунны, а затем – монголы. Джучи – старший сын Чингисхана – со своим войском вторгся в эти земли. Кыргызские князья признали его власть, но это их не спасло. Высокую культуру монголы уничтожили, народ разорили, частично угнали в плен. А земли кыргызских улусов вошли в состав монгольской кочевой империи...

– Но кыргызы ведь выжили! – робко заметила Татьяна. – Вон как русским сопротивлялись!

Анатолий вздохнул.

– От былого величия кыргызов к моменту прихода русских не осталось и следа. Все растоптали в прах монгольские кони. Но дух народа, его силу и веру растоптать не удалось!.. Ты понимаешь? Земля ведь осталась! И горы, и реки, и тайга! Смотри, красота какая! И народ выжил! Сколько всего перенес, вытерпел, но выжил ведь!

Он взял ее за руку.

– Смотри! Запоминай! Это особая красота! Старики говорят: она силу и мудрость дает!

Дорога тем временем вывела их на перевал. Сопки отступили, а внизу разлеглась долина с синими пятнами лесов, со сверкающими прожилками рек. А на горизонте проявились в сиреневой пелене горы. Их острые пики, казалось, подпирали небо: так низко лежали на них облака. И сами горы напомнили Татьяне старцев в островерхих малахях с сивыми от старости бородами.

Свежий ветерок ворвался в открытое окно. У Татьяны защемило сердце. Видит бог, она помнила эти запахи. Да и долина, что лежала под ними, тоже была знакома или очень похожа на ту, что она увидела то ли во сне, то ли в бреду. Бредовые видения? Чушь кромешная! Кто в здравом уме поверит, что такое возможно: столь ярко, столь реально окунуться в прошлое, а потом наяву получить подтверждение увиденному... Нет, не увиденному, пережитому...

Иначе как объяснить, что она помнила эти запахи, помнила серебристые ленты рек, что сливались в одну широкую – Абасуг? И горы на горизонте тоже были знакомы. Там, у подножия гольцов, лежали земли родного Чаадарского улуса...

Родного? Она вздрогнула. Что происходит? Она – не Айдына. Она – Татьяна. От Айдыны лишь серьги в ушах да перстенок с кораллом на пальце... Она едва заметно коснулась пальцем коралла. А если он и впрямь притянул душу Айдыны?

– Видишь сосновые леса? – прервал ее мысли Анатолий. – Они, по преданию, выросли на месте страшной битвы. На русской и кыргызской крови. В тысяча семьсот четвертом году, а по другим источникам – в семьсот шестом, казаки настигли здесь большой отряд езсерского бега Тайнаха. Сражение началось после обеда, закончилось под вечер. Скажу тебе, очень жестокое сражение! Настоящая бойня! Русские перебили до трехсот езсерцев. В бою пали Тайнах и два других князца; лишь полсотни человек во главе с женой Тайнаха, которая, кстати, была русской, «окопались и лесом осеклись», как тогда писали. После недолгого штурма удалось взять «воровскую осаду», причем защитники были все перебиты, а женщины и дети захвачены русскими. Олена бежала вместе с сыном, но ее быстро настигли и взяли в плен.

– Олена? – потрясенно переспросила Татьяна. – Жена Тайнаха? Русская?

– Русская, русская! – кивнул Анатолий и хитровато прищурился. – Ты и про Олену что-то знаешь?

– Ты же сам сказал: «Русская жена», – с укором посмотрела на него Татьяна и поспешила перевести разговор: – А с Тайнахом не Мирон ли Бекешев расправился?

– Нет, не Мирон, а атаман Овражный – верный его соратник и друг. После атамана вернулся в острог, но оставил за себя казачьего сотника Саламатова. И тот с отрядом служивых обыскал леса и перебил еще два десятка кыргызов. Результаты экспедиции высоко оценили в Москве. Служилых одарили мягкой рухлядью на восемьсот рублей.

– Восемьсот рублей, – покачала головой Татьяна, – вот она, цена загубленных жизней.

– Олену привезли в Краснокаменск. Известно, что какое-то время ее держали взаперти. Пока велось следствие, наверное. Но умерла она на свободе, где-то в сороковых годах. А сын ее при крещении получил имя Матвей, дослужился до казачьего майора...

Татьяна смотрела на пролетающие мимо деревья, кусты, пролески, а перед глазами стояло лицо Олены. Возможно, она когда-нибудь расскажет Анатолию о своих снах. А сейчас рано! Сейчас ее рассказ однозначно назовут вздором, чепухой, бессмыслицей, бредом сивой кобылы! Чем еще?

Она так увлеклась подбором синонимов, что перестала слушать Анатолия. Пришлось взять себя в руки.

– Надо же, – улыбнулась Татьяна, – ты как рыба в воде. Казаки, кыргызы, остроги, сражения...

– Так то ж мой хлеб, – ответно улыбнулся Анатолий, – лекции студентам читаю, книги пишу...

Он взял Татьяну за руку, посмотрел в глаза.

– Тебе правда интересно?

Она кивнула головой.

– Очень! Продолжай!

– Ликбез для новичков! – фыркнула Людмила.

Анатолий что-то резко сказал по-хакасски, она смирила его негодующим взглядом и отвернулась. Но тут в их перепалку вклинился Борис:

– Эй, люди! Кончай разговоры, а то у меня уши вянут от ваших кыргызов, острогов, казаков... Вон впереди по курсу кафе. Пора бы уже позавтракать, а? А то не довезете гостью живой и здоровой!

– Завтракать так завтракать! – потер руки Анатолий и подмигнул Татьяне. – Уморили тебя разговорами?

– Нет, – твердо ответила Татьяна, – не уморили. Меня трудно уморить. Но чашечку кофе выпила бы с удовольствием!

Глава 2

После завтрака в придорожном кафе Татьяну потянуло в сон. Не помог даже крепкий кофе. Сказалась-таки бессонная ночь в самолете. Ее сосед ворочался рядом в кресле, сопел, а затем захрапел на весь салон. Она заткнула уши берушами, натянула на глаза плотную повязку, но тут сосед больно толкнул ее в бок локтем, принялся неловко извиняться.

И сон пропал... Но пережитые неприятности уже не тревожили ее. Перед глазами возникли одна за другой картинки из детства. Оживали цвета, голоса, образы... Словно впервые она вдохнула свежие запахи утра: росы, молодой травы, одуванчиков на лужайке перед домом... Словно впервые ощутила сладкое томление, впервые подняла руки к небу, к ослепительному солнцу, к белому пуху облаков...

Летом она просыпалась на бабушкиной даче и долго лежала, слушая, как стучала в окно веточка сирени, пели на заре соловьи, оглушительно квакали лягушки. В деревне за речкой мычали коровы, звякали подойники. Весело чирикали воробьи, голосил петух, а капли дождя, если шел дождь, шуршали по стене и по крыше... Много чего было хорошего, всего не упомянешь...

В машине Татьяна тоже пыталась забыться. Но так и не получилось. В голову лезли разные мысли. Об отце, о матери, даже Виктора вспомнила, который позвонил перед отъездом. Татьяна удивилась, откуда узнал новый номер ее телефона? Но позже выяснилось: мать проболталась. Несмотря на их разрыв, Галина Андреевна продолжала перезваниваться с Виктором. Однажды Татьяна застала ее за телефонным разговором с несостоявшимся зятем. Речь, судя по всему, шла об антикварных вещицах, которые мать с упоением собирала лет двадцать. С тех пор как отец стал прилично зарабатывать. Последние шесть лет он платил ей солидные алименты, потому что Галина Андреевна еще до того, как он подал на развод, запаслась ворохом справок. У нее вдруг обнаружилась куча болезней, которые, впрочем, не сказались ни на ее внешности, ни на образе жизни. При знакомстве она по-прежнему называла себя: «Жена профессора Бекешева». Скромно добавляла, что муж работает в ЮНЕСКО, но она, мол, терпеть не может Европу и предпочитает жить на родине.

Правда, сразу после отъезда бывшего мужа в Швейцарию в квартире Галины Андреевны поселился любовник – молодой испанец по фамилии Родригес, танцевавший в ночном клубе. Родригеса сменил тоже молодой грузин Гоча, подвизавшийся на сделках с недвижимостью.

Гоча продержался меньше Родригеса. Сбежал в Грузию от российского правосудия, потому что оказался не риелтором, а вором-борсеточником, промышлявшим на пару с братом возле крупных супермаркетов Северной столицы.

Исчез он поспешно, поэтому успел прихватить лишь пять тысяч долларов, которые Галина Андреевна опрометчиво хранила в супнице. Доллары она копила для покупки очередной антикварной безделушки, от которых ломились полки старинных книжных шкафов в бывшей библиотеке профессора Бекешева.

Ее несколько не смутило, что эти книги собирали несколько поколений Бекешевых. Библиотека до отказа заполнила антресоли и кладовую рядом с кухней. Татьяна пыталась протестовать, звонила отцу. Юрий Евгеньевич разводил руками. Через два года заканчивался его контракт. И вовсе не факт, что его продлят еще на три года. А возить туда-обратно за тридцать земель уйму книг было просто накладно.

После побега Гочи Галина Андреевна пару недель грустила, но вскоре бывший муж прислал алименты, и ей удалось купить зонтик и ширму последней китайской императрицы из династии то ли Цинь, то ли Минь. Она явно повеселела и даже вознамерилась продать Изборский псалтырь четырнадцатого века известному коллекционеру Фолькенштейну. Об этой сделке Татьяне сообщил бывший одноклассник, сын коллекционера Ося – владелец мод-

ной фотостудии. Сдал, мягко говоря, папашу, который вместо «Бентли» – новогоднего подарка отпрыску – собрался приобрести, как выразился Ося, «очередную фиговину для своей коллекции».

Татьяна взъярилась. Впервые в жизни орала на мать в телефонную трубку. Галина Андреевна что-то жалко лепетала в ответ. Объясняла, что вырученные деньги пойдут на покупку американских, просто супер каких удобных костылей... Но Татьяна резко оборвала ее и приказала, чтобы книги немедленно перевезли к ней на квартиру... В ту, что отошла ей по завещанию Анастасии Евгеньевны.

Ящики привезли за две недели до отъезда в Хакасию. Мать наняла грузчиков, которые на удивление споро занесли их в прихожую, загромоздив ту до отказа. Татьяна всякий раз с трудом лавировала по узкому проходу между ящиками. Хорошо, что никто ее не навещал, лишь по четвергам приходила медсестра, с которой Татьяна познакомилась в клинике. Звали ее Эля. Она одна растила двух мальчишек и подрабатывала тем, что в свободное от дежурств время убирала чужие квартиры. Она закупала на неделю продукты и частенько, по доброте душевной, варила Татьяне борщ, жарила котлеты, иногда приносила домашние пирожки с картошкой. Близкими подругами они не стали. Но иногда болтали за чашечкой кофе о том о сём, но только не о личном. Татьяна избегала подобных разговоров, а Эля деликатно не спрашивала.

После ссоры с матерью они не встречались. С Игорем, младшим братом, проходившим стажировку в Норвегии, общались по электронной почте. Отец пунктуально звонил по субботам. Он же помог ей с деньгами, когда дочь наконец-то собралась в Хакасию. Анатолий настойчиво приглашал Татьяну всю зиму, даже готов был по весне примчаться за ней в Москву. Но она все отнекивалась – страшил пятичасовой перелет. Неожиданный звонок Виктора отменил ее сомнения и желание отсидеться летом на дедушкиной даче.

Он позвонил где-то в десять утра, вежливо справился о здоровье, затем сразу перешел к делу:

– Таня, нам нужно поговорить! Знаю, ты не хочешь меня видеть. Но я ведь ни при чем. Давай все серьезно обсудим. Разберемся, обмозгуем?

– В чем разберемся? – спросила она устало. – Снова прикажешь выяснять, кто кому обязан? Оставь меня в покое!

– Галина Андреевна сказала, что ты собираешься к своему археологу. Это правда? Она очень беспокоится...

– И попросила помочь обрести покой? – вкрадчиво поинтересовалась Татьяна. – Скажу тебе, очень неудачный выбор! – И не сдержалась, повысила голос: – Я сама решаю, куда мне ехать! Мне двадцать семь. Я уже не в том возрасте, когда на каждом шагу советуется с мамой. И парламентареры с белым флагом мне тоже не нужны!

Она отключила телефон на сутки. Но просчиталась. Виктор и не думал отступать. При чем с Галиной Андреевной они вступили в сговор. Иначе это не назовешь. Словом, ближе к вечеру следующего дня в дверь ее позвонили. Чертыхась от досады, она потащилась к двери. Посмотрела в глазок. Ба! Матушка пожаловала! С чего вдруг?

Она открыла дверь. И застыла от неожиданности. За спиной Галины Андреевны маячил Виктор. Смущенно улыбаясь, протягивал ей непривычно скромный букетик. Татьяна потрясенно молчала.

– Таня, – торопливо заговорила мать. – Прости, что не предупредила. Но твой телефон недоступен, а тут такое дело... – Она оглянулась на Виктора. – Очень нужно поговорить... Не мне, Виктору... – И, поняв, что Татьяна не намерена впускать их в квартиру, зачастила: – Доча, милая! Поговори с Витей. Тебе нечего бояться. Я подожду на кухне...

– С чего вы взяли, что я боюсь? – высокомерно произнесла Татьяна и отвела его руку с букетиком. – С Виктором мы расстались, и я не вижу повода для бесед.

– Пстой, – насутился Виктор и выдвинулся на передний план, потеснив Галину Андреевну. – Я отниму у тебя полчаса. И, клянусь, ни слова о наших взаимоотношениях.

Теперь мать выглядывала из-за его плеча, и Татьяна вдруг отметила темные круги у нее под глазами, растрепавшиеся волосы и – совсем неожиданно – горестные складки, потянувшие уголки губ вниз. Длинное, цвета фуксии пальто и лиловый шарф невыгодно оттеняли посеревшую кожу лица. Мать выглядела больной и несчастной... И сердце ее дрогнуло.

– Хорошо, – сказала она. – Проходите!

И, помогая себе костылями, развернулась, чтобы первой пройти сквозь лабиринт ящиков с книгами. Мать и Виктор молча последовали за ней. Правда, кто-то из них зацепился-таки за ящики. Но Татьяна не обернулась на шум и прошла в кухню. Прислонив костыли к подоконнику, она оперлась на него спиной и ладонями. Ноги держали слабо, но она не упускала случая, чтобы постоять немного, пусть и с поддержкой, но без костылей.

Мать чем-то шуршала и шелестела в прихожей, видно, снимала пальто и сапоги. Виктор прошел на кухню, не раздеваясь и не снимая ботинок. Лишь расстегнул дорогое кашемировое пальто, ослабил узел галстука и сел на стул, потирая локоть.

– Говори! – приказала Татьяна. – У тебя мало времени!

– Даже чаем не напоишь? – скривился он.

– Нет, – бросила она. – Ни чаем, ни кофе, ни коньяком! Говори!

– Я купил сеть антикварных магазинов, – сказал он с угрюмым видом, – у Вуевича.

– Это должно меня обрадовать?

– Злая ты стала, – надулся Виктор.

Лицо его побагровело. Так бывало в минуты ярости. Татьяна кинула быстрый взгляд по сторонам. Но рядом не нашлось ничего тяжелее и надежнее костылей. Тогда она ухватилась за них, как утопающий за соломинку.

– Вуевич крупно проигрался в казино. Я закрыл его долг. Взамен получил три магазина с небольшой доплатой.

– Ты решил заняться антиквариатом? А я тут при чем?

Виктор пожал плечами.

– Я знаю, ты сидишь без денег. Картины твои не продаются. Папа и мама подкидывают денег, но этого мало. Я хочу, чтобы ты занялась моей галереей. Зарплата приличная, не обижу!

– Витя, – Татьяна выпрямилась, – ты не понял? Между нами все кончено! И не только потому, что не люблю тебя больше. Ты видишь, я – на костылях! Какая галерея? Там же надо постоянно бывать на людях! Презентации, выставки, банкеты, фуршеты... А я на коляске передвигаюсь...

– Но это не мешает тебе лететь черт знает куда! Что ты нашла в этом археологе?

– Не твоего ума дело! – огрызнулась Татьяна, уже жалея, что пустила Виктора в дом. Краем глаза она видела мать. Вытянув шею, та глядела в зеркало.

– Не хочешь разговаривать – не надо, – поднялся с места Виктор. – Хочешь лететь – лети! Но учти, твоя мать задолжала мне крупную сумму. И если не отдаст деньги вовремя, то ваша квартира пойдет с молотка.

– Мама! – Татьяна задохнулась от неожиданности. – Как ты смела?

Мать возникла на пороге. По щекам ее текли слезы.

– Танечка, – кинулась она к дочери. – Я купила обалденный сервиз в его магазине. В рассрочку. Но Виктору срочно понадобились деньги...

– Верни сервиз! – сквозь зубы потребовала Татьяна.

– Не могу! – зарыдала в голос Галина Андреевна. – Гоча, когда забирал деньги, отломил ручку у супницы. Я приклеила ее. Трещина, клянусь, почти незаметна. Но Виктор не берет сервиз обратно!

– Что это за сервиз такой, что стоит целой квартиры?
– Сервиз Бонапарта, – усмехнулся Виктор. – Он его бросил, когда драпал из Москвы. Его подобрали русские казаки и за копейки продали князю Голицыну.

– Он не стоит квартиры, – отвела взгляд Галина Андреевна, – но Виктор вдобавок заплатил за меня в казино...

– Казино? – вскинулась Татьяна. – Какие казино? Их давно запретили!

– Наивная ты девушка, Татьяна, – расхохотался Виктор. – Кто ищет, тот всегда найдет!

– Мама, ты играешь на деньги? – Татьяна чуть не потеряла дар речи от изумления. – С каких это пор?

Галина Андреевна снова заплакала.

– Мне нужны были деньги заплатить за сервиз!

– Ну как ты могла? – Татьяна с негодованием уставилась на мать. – Это ж не только твоя квартира. Она папина, Игорька, моя, наконец. Это дедушкина квартира. Как ты смела? Продай свои безделушки! Думаю, там с лихвой хватит расплатиться с долгами!

– Не хватит! – истерично взвизгнула мать. – Я пыталась! Никто не берет! Все антиквары словно сговорились... Я хотела продать Изборский псалтырь. Но ты взъелась на меня. Дался он тебе!

Татьяна посмотрела на Виктора. Он сидел с довольным видом.

– Понятно! Антиквары сговорились с твоей подачи?

Татьяна сжала костыли с такой силой, что заломило пальцы. С каким удовольствием она треснула бы по голове этого подонка!

– Чего ты хочешь? – спросила она сквозь зубы. – Я ведь вижу, ты что-то решил предложить взамен?

– Какая догадливая! – расплылся в улыбке Виктор. – Я возьму сервиз, у меня уже есть на него покупатель. И долг прощу. Но ты окажешь мне услугу. Суший пустячок, а не услугу.

– Что это за пустячок, если за него прощают огромные деньги?

– Не все продается и покупается, дорогая! – покровительственно посмотрел на нее Виктор. – У меня есть друг, археолог. Его давно интересует история освоения Сибири, а твой Рейнварт, кажется, в этом году начинает раскопки острога. Ты меня понимаешь?

– Откуда ты знаешь про острог? – поразилась Татьяна.

– Слухами земля полнится, – развел руками Виктор. – В кругах археологов об этом говорят как о сенсации. Федор решил устроиться на раскопки рабочим. Рабочие руки там дефицит. Он парень здоровый! Представь как знакомого на тот случай, если вдруг откажутся взять. Но лучше порекомендуй заранее.

– И это все? – поразилась Татьяна и покачала головой. – Устроить его рабочим в обмен на квартиру? Нет, здесь что-то не так! Почему бы ему самому не поговорить с Анатолием? И зачем ему наниматься рабочим, если он археолог?

– Таня, – лицо Виктора снова побагровело, но он взял себя в руки и опять заговорил тем тоном, каким разговаривают с неразумными детьми. – Не хотел осложнять тебе жизнь, но Федор отмотал на зоне пять лет. Один олигарх, ярый коллекционер, спонсировал раскопки древнего захоронения на Тамани. Ясное дело, незаконные. Что-то они там подняли... Золотые украшения, оружие. Олигарх, естественно, их прикарманил. А когда это вскрылось, крайним оказался Федор. Теперь ему еще три года нельзя заниматься раскопками. Понимаешь? Но человеку хочется! Он болеет этим делом!

– Все равно здесь что-то не так! – не сдавалась Татьяна. – И друзей у тебя нет. И Федора призраиваешь неспроста!

– Отказываешься? – Виктор подобрался и стал похож на готового к атаке бульдога. – Твое дело! Но завтра я отнесу расписки твоей матери в суд. Посмотрим тогда, как ты запоешь! Учти, они заверены нотариусом. У меня все по закону!

Татьяна посмотрела на мать. Та молитвенно сложила ладони.

– Поклянись, что тут нет ничего криминального! – Татьяна исподлобья следила за реакцией Виктора.

Тот быстро перекрестился. Лицо его заметно повеселело.

– Клянусь! Всеми святыми клянусь! Парня жалко! Мается!

Татьяна недоверчиво хмыкнула, но все же спросила:

– Он меня сам найдет?

– Найдет! Смотри!

Виктор достал из папки, что лежала у него на коленях, фотографию.

– Вот он. Весьма колоритный парень!

С фотографии на Татьяну смотрел мужчина с короткой стрижкой. На вид лет сорока. Хотя лицо его, то ли смуглое, то ли дочерна загорелое, худое, иссеченное морщинами, с крупным носом и твердыми желваками скул, было из тех, по которым трудно судить о возрасте. Татьяна знала такие лица. Улыбнется – скажешь, тридцать, нахмурится – дашь все пятьдесят.

– Что-то мало он смахивает на ученого, – сказала она и вернула фотографию.

– Пять лет лагерей – это тебе не правительственный санаторий! – Виктор вернул фотографию в папку. – Ну как? Согласна?

– Пять лет лагерей? Какой он ученый? Он же бандит!

– Вот дура! – тяжело вздохнул Виктор и постучал себя кулаком по лбу. – Бандиты пять лет не сидят. А он сидел за чужие грехи. Кто у нас посадит олигарха? Мне тебя убеждать, что такое бывает?

Татьяна пожала плечами.

– Ладно, убедил! У меня просто нет выхода...

– Ну вот! Чего боялись, то и случилось! – произнес рядом Анатолий и прервал ее мысли.

Татьяна открыла глаза. Машина стояла на дороге, которая уперлась в речной берег.

Черные, тяжелые тучи медленно, но неотвратно накатывались из-за реки, заволакивая небо и наполняя воздух тревожным сумраком. Вдоль берега, терзая кроны деревьев, промчался ветер. Затрепетала и зашумела листва. Над горизонтом вспыхнул огненный зигзаг и тут же пропал. И почти сразу пошел дождь. На ветровое стекло будто плеснули ушат кипящей воды. Борис сердито выругался и посмотрел на часы.

– Черт! Сколько здесь простои́м?

– Все твой язык, Людмила! – отозвался Анатолий. – Зальет, зальет... Теперь точно зальет!

И берег, и дорога исчезли за потоками проливного дождя. Даже в лесу под деревьями земля промокла и потемнела. Дождевые капли барабанили по верху машины, как пулеметные очереди.

«Надо же! Вроде не дремала, а начало дождя проворонила, – удивилась про себя Татьяна. – Да еще какого дождя! Настоящего ливня!»

– Дальше не проехать? – спросила она.

– Тут дорога кончается, – пояснил Борис. – Теперь станем ждать, когда дождь прекратится, потом будем перебираться через реку. Здесь единственный брод. Перекат. В сухую погоду едва колеса замочишь. Но в дождь не стоит рисковать. Уровень воды повышается.

И обратился к Анатолию:

– Поддай мне рюкзак. Пойду посмотрю, что там с рекой.

Анатолий протянул ему рюкзак. Борис достал из него армейскую плащ-палатку и высокие резиновые сапоги. Переделался, чертыхаясь и ворча, что слишком тесный салон, не развернешься. Затем открыл дверцу, выглянул и соскочил с подножки. И тотчас пропал из виду, такой плотной была стена дождя.

– Вот не повезло, – пробормотал Анатолий. – Чертова погода! Начало июня, а все льет и льет!

– Видишь? – живо обернулась Людмила. – При чем тут мой язык? Лишь бы сорвать на ком-нибудь злость! И вчера полдня дождь шел, и ночью...

– Успокойся, – с досадой произнес Анатолий, – выставляешь меня каким-то монстром. – Он покосился на Татьяну. – Не расстраивайся! Скоро дожди закончатся! Синоптики обещают жаркое лето.

Людмила язвительно хмыкнула, смерила его насмешливым взглядом, но на этот раз промолчала.

– Я не расстраиваюсь! – улыбнулась Татьяна. – На всякий случай прихватила и куртку, и сапоги!

В окно постучали. Вплотную к стеклу прижалось чье-то лицо. Татьяна с трудом узнала Бориса. Вода текла с него ручьями. Он что-то говорил, размахивая рукой. Во второй Татьяна разглядела суковатую палку.

Анатолий приоткрыл дверцу. В салон ворвался шум дождя.

– Проехать можно, но кому-то нужно указывать дорогу. Я все равно промок, так что садись за руль.

Анатолий быстро перебрался на место водителя. Ободряюще улыбнулся Татьяне в зеркало заднего вида:

– Потерпи немного! Дно здесь каменистое, не завязнем. Всего лишь потрясет немного.

Борис впереди махнул рукой. Машина сдвинулась с места и осторожно поползла с крутого берега вниз.

– Пристегнись! – крикнул Анатолий. И вовремя.

Машину так тряхнуло, что Татьяна клацнула зубами от неожиданности. Спасли ремни безопасности. Она лишь ударилась лбом о спинку сиденья. Опять тряхнуло, но уже не так сильно. Татьяна выглянула в окно. Внизу плескалась вода. Течение несло ветки, листья, пучки сухих трав. Машина рассекала воду, как заправский катер, только переваливалась с боку на бок, как утка. Впереди маячила темная фигура. Это Борис вел их сквозь поток. Он то и дело останавливался, замерял палкой глубину справа и слева от себя, а затем снова шел вперед.

Татьяна с замиранием сердца ждала, что вот-вот их занесет в яму или опрокинет на бок. Дождь ослабел, и было хорошо видно, что Борис едва справляется с течением. Татьяна подумала, что в сапогах у него, вероятно, полно воды. А вдруг она попадет в мотор? Машина заглухнет на середине реки. Как тогда выбираться? Но тотчас отогнала эту мысль. Анатолий уверенно вел внедорожник. На Люськином лице ни капли страха. Наверно, им не впервой! Зачем же ей выказывать свою трусость?

Борис тем временем миновал быстрину. Внедорожник, чихнув мотором, проскочил следом. И вот уже видно, что их проводник идет по мелководью...

Показались низко нависшие над рекой, подмытые водой ивы. Берег! Татьяна мысленно перекрестилась. Борис тем временем ступил на крупную гальку, обернулся, помахал им рукой и пошел дальше. Поднялся на пологий травянистый склон и сел на обломок ствола, верно, принесенного сюда паводком. Вылил из сапог воду, снова натянул их на ноги и расплылся в улыбке, наблюдая, как машина выползает на берег.

– Смотри-ка, рыбак! – оживился Анатолий. – Эка его нелегкая занесла!

И впрямь, справа виднелся самодельный шалаш. Вернее, навес из полиэтиленовой пленки, закрепленный по бокам кусками коры. Возле шалаша – костровище, над ним на железной рогулке – закопченный котелок. Анатолий притормозил шагах в пяти от шалаша. Над костровищем едва заметной струйкой вился синий дымок.

Борис подошел к этому ненадежному, на первый взгляд, укрытию. И тотчас из-под навеса высунулась голова в черной трикотажной шапке. Затем показался и сам человек в серой бре-

зентовой куртке и резиновых сапогах. Анатолий открыл дверь и вышел наружу. И тут только Татьяна поняла, что дождь кончился. А сквозь рваные клочья облаков робко проглянуло солнце.

Борис и Анатолий о чем-то оживленно разговаривали с рыбаком. Тот, правда, больше кивал головой. Наконец нагнулся, вытащил из-под навеса рюкзак, снял полиэтилен и обмотал им котелок. И направился вслед за Анатолием к машине. Борис поднялся по берегу вверх и принялся из-под ладони обозревать окрестности.

– Точно, сдурели! – охнула Людмила. – Решили его подбросить! Как же вы поместитесь? Он же вон какой здоровенный!

– Людмила, перебирайся к нам, на заднее сиденье, – скомандовал Анатолий, открывая дверцу. Улыбнулся Татьяне. – Потесниться придется. – И пояснил: – Знаете, кого мы подобрали? Федор это. Шел в нашу экспедицию наниматься рабочим.

Татьяна промолчала. Почему-то ее пробрал озноб. Она его сразу узнала. На фотографии Федор все-таки смотрелся моложе. Сейчас же он зарос седой щетиной и выглядел лет этак на шестьдесят. Но взгляд остался прежним – угрюмым и каким-то стеклянным, что ли. Казалось, он не обратил на нее и Люську никакого внимания. Та, к удивлению молча, устроилась рядом с Татьяной, а Федор уселся на переднее сиденье, взгромоздив рюкзак на колени.

– Здравствуйте всем, – буркнул он и, стащив с головы шапку, пригладил редкие волосы.

Вернулся Борис. Анатолий, потеснив Люську так, что она плотно прижалась боком к Татьяне, сел рядом. Машина рванулась с места.

Татьяна посмотрела в зеркало заднего вида и вздрогнула, встретившись с Федором взглядом. Тот мгновенно отвел глаза, но все ж она почувствовала угрозу. Необъяснимую угрозу, отчего у нее неприкрыто задрожали руки. Она стиснула ладони. Этого ей не хватало! И судорожно перевела дыхание. Похоже, Федор узнал ее! И как ей теперь быть? Промолчать или сказать Анатолию, что знает этого человека? Поразмыслила и решила промолчать. На месте все прояснится. В этом она не сомневалась!

Глава 3

Через час пути по голой каменистой степи подъехали к лагерю. Прямо к огромной полосатой палатке – экспедиционной столовой. Тут же готовили, к удивлению Татьяны, не на костре, а на военно-полевой кухне. Тут же кормили народ. Два длинных стола, застеленных клеенкой, букеты цветов в стеклянных банках, солонки, чистые чашки и кружки, спрятанные под полотенцем. «Как на полевом стане», – почему-то подумалось ей. Возможно, потому, что нечто подобное видела в старых кинофильмах? Но комфорт оценила сразу. Чистенько, уютно, можно укрыться от проливного дождя и от палящего зноя.

Подле столов стояли длинные скамейки. Выходит, сразу за стол садились человек тридцать. Что ж, это идеальное место не только для совместного принятия пищи. Здесь, видно, проводили собрания, работали... На одном из столов под прозрачной пленкой лежали обломки керамических сосудов, с орнаментами и без, а также какие-то мелкие изделия, похожие издали на лепестки, – как она позже рассмотрела, наконечники стрел.

Людмила выскочила из машины вслед за Анатолием и Борисом. И сразу направилась к палаткам. Они стояли чуть дальше, на взгорке, среди соснового леса: пять больших – армейских и с десятков поменьше – ярких, с тентами над входом. На вытоптанной площадке перед ними были врыты два столба, между ними – волейбольная сетка. К палаткам уже протоптали тропки. Тропинка сбегала и к крохотной, каменистой речушке, впадающей в Енисей. В ней, видно, умывались и мыли посуду.

В лагере было пусто, но, судя по одежде, развешанной на растянутых между деревьями веревках, и разномастной обуви, выставленной перед палатками, на раскопе действительно работало много людей.

Людмила направилась к одной из палаток. Федор тоже покинул машину и, стоя рядом с ней, переминался с ноги на ногу, осматривая лагерь. На Татьяну он даже не взглянул.

Впрочем, она тут же о нем забыла. Что ни говори, а лагерь выглядел красиво, особенно сейчас, когда светило солнце: зеленая вода Енисея, темный сосновый бор, красные каменистые обрывы и яркие палатки на фоне леса. Сосновые стволы отсвечивали золотом. Опушку окаймлял цветущий шиповник. Берега речушки густо заросли борщевиком и медвежьей дудкой. Среди травы – масса цветов: жарки, герани, незабудки... Хорошее, тенистое место, вот только комаров, наверное, много!

– Тут у нас изобилие живности, – с явной гордостью произнес Анатолий, заглядывая в машину. – Бурундуки, белки по лагерю бегают. А рябчиков сколько! Сядет на ветку и – «ко-ко-о...» – разглядывает, шельмец, что в лагере творится. Чуть с дерева не падает. А в реке рыбы полно. Елец, правда, но и щука попадается. Вечером выйдешь на берег, только и слышишь: «Плюх! Шлеп!» – рыба кормится. Так что отменной ухой тебя накормим! Смотри, вон наши поварихи!

Две девушки в белых халатах и поварских колпаках вышли навстречу. Одна из них, высокая, полная, вытирая руки полотенцем, весело сообщила:

– Как раз к обеду успели. У нас сегодня борщ и гречневая каша с мясом.

– А компот? – улыбаясь, спросил Борис, направляясь к палатке.

– Погоди, – остановил его Анатолий. – Нужно отвезти Таню к бабушке Таис.

Борис покорно направился к машине. Анатолий тоже вернулся, но сел рядом с Борисом.

– Ты не беспокойся, – сказал он, повернувшись к Татьяне, – у бабушки Таис тебе будет хорошо. Она старуха славная, хоть и с закидонами. Понравишься, такое расскажет, век не переслушаешь...

– А если не понравлюсь?

– Она девок в коротких юбках не привечает. Да еще курящих, – вставил свои пять копеек Борис. – Правда, сама курит трубку, а самосад у нее...

Он покачал головой и сморщился, словно только что отведал злющего самосада.

– Покупает его у староверов. Те сами не потребляют, конечно, но на продажу выращивают. Бабка его сушит, потом в корытце сечкой рубит.

– Ты только не смейся над ее привычками, – тихо сказал Анатолий, – они и впрямь у нее странные. Старушенция она добрая, ну, поворчит иногда для порядка. С кем не бывает?

– А почему ты решил, что я не смогу жить в палатке? Со всеми?

– Понимаешь, – Анатолий озадаченно хмыкнул, – мы там топчаны сколотили. Один на всю палатку. Спят все вповалку. А в юрте у тебя будет отдельная кровать, столик, шкафчик для одежды. У нас есть два «уазика». Один сейчас ушел за продуктами, второй – на раскопе. Но каждое утро будем возить тебя в лагерь, а если захочешь поехать, как там у вас говорят, на пленэр, и туда подбросим, и назад привезем.

– Разберемся, – улыбнулась Татьяна. – Я постараюсь вас сильно не обременять. Я хочу побывать на раскопе. Увидеть все своими глазами.

– Обязательно побываешь! Пока там не слишком интересно. Снимаем дерн и верхний слой почвы. Площадь большая. В этом году наметили раскопать часть городища. Работы хватит на несколько лет.

– Интересная у тебя жизнь!

– Главное – не скучная, – Анатолий улыбнулся в ответ, бросил взгляд в окно и весело сообщил: – Ну, вот и приехали!

Среди редкого березняка у подножия высокой сопки стояли полукругом три деревянные юрты. Рядом с ними – загон для скота. Чуть дальше – покосившееся деревянное строение без окон и дверей. Там, где была крыша, – полусгнившие стропила да густая поросль травы.

Анатолий помог Татьяне выбраться из машины. «Да, местечко!» – подумала она. Но вслух ничего не сказала. Не хотела сразу предъявлять претензии Анатолию. Не дай бог, сочтет ее капризной. Изнеженной городской бездельницей.

– Ты не расстраивайся, – Анатолий словно прочитал ее мысли. – Тут хорошо! Комара нет, ветерок его сдувает. А скот за сопкой пасется. И днем и ночью. Так что тишина полнейшая. Из живности только собака да кошка. Да посмотри, какая красота вокруг!

Он развернул ее за плечи. И Татьяна увидела озеро. Воды его плескались метрах в пятидесяти от машины, окрашенные розовым и золотым. Сухой ветер дул ровно, почти без порывов. Путаясь в густых прибрежных зарослях, шуршал листьями и зелеными метелками камышей; мелкие волны мерно набегали на пологий берег. Небо было бледно-голубым с белыми разводами облаков. Глухо кричала какая-то птица. А дальше степь – бескрайная, с метелками ковыля, с пряными запахами трав... И над нею – все то же небо, беспредельное, прекрасное... Не зря, видно, местные народы поклонялись Вечному Синему небу. Впрочем, они почитали все, что их окружало: и горбатые сопки, и бесконечную степь, и это озеро... Почитали и одушевляли, населяли духами – помощниками и хранителями. И где-то здесь, наверное, бродила среди высоких камышей прекрасная розовая птица – хысхылых – фламинго...

– А вон и бабушка Таис, – прервал ее мысли Борис.

Татьяна оглянулась. И сердце ее дрогнуло. Из крайней юрты вышла старуха в длинном, когда-то красном платье, в цветастом платке, повязанном так же, как у Ончас¹. Из-под платка виднелась длинная седая косица, перетянутая шнурком. Старуха шурилась на солнце, разглядывая из-под руки гостей.

– Изен, бабушка Таис! – крикнул Анатолий.

– Изеннер! – степенно ответила старуха.

¹ См. Мельникова И. «Фамильный оберег. Закат цвета фламинго».

И, прищурившись так, что узкие глаза превратились в едва заметные щелочки, спросила низким голосом, опять напомнив Татьяне Ончас:

– Толик, што ли? И ты, Бориска? Гостью привезли?

Спросила по-русски, с сильным акцентом. И, махнув рукой, совсем не по-старушечьи ловко юркнула под висевшую на двери тюлевую занавеску. Из отверстия в крыше вился тонкий дымок.

– Старуха, гляди-ка, ждала нас, обед на очаге готовит, – тихо сказал Борис.

Они вошли в восьмиугольную, из обтесанных бревен юрту. Крыша из больших пластин коры, уложенных друг на друга, как черепица. Бревенчатые стены закрыты коврами, полы – толстой кошмой. Похоже на русскую избу снаружи, только почти круглую. А вот внутри все, как и в давние времена: в потолке зияло отверстие, под ним – очаг, над которым на железных рогульках висел закопченный казан. И разделена юрта пестрыми занавесками на три части: есть тут и почетное место для главы семьи, и угол попроще – для жены, а по правую и левую стороны устроены лежанки, видно, для детей. Но спутниковая тарелка над входом, телевизор в углу, накрытый клеенкой движок, чугунная печка-буржуйка, несколько книг на нелепой в этом древнем интерьере этажерке подтверждали, что здесь хоть и чттили прошлое, от современных благ не отказывались.

Из-за занавески, что закрывала вход в мужскую половину, вынырнул парень – смуглый, узкоглазый. При виде гостей расплылся в улыбке. Мелькнули ослепительно белые зубы. И опять сердце Татьяны екнуло. Очень уж он смахивал на Киркея. Но одернула себя. Хватит уже видеть героев своих видений в каждом встречном. Это всего лишь ее воображение.

– Проходите, устраивайтесь! Аалчы полынар²!

Парень пожал руки Анатолию и Борису, сверкнул любопытным взглядом на Татьяну.

– Как вас зовут? – спросил и снова расплылся в улыбке.

– Таня, – ответила она. – А вас?

– Каскар. Внук бабушки Таис. Правда, мы ее чаще Торгы зовем.

– Каскар в сельхозакадемии учится, на ветеринара, – сказал Анатолий. – И у нас на раскопе подрабатывает, когда свободен.

– Отец скот за горой пасет, – сообщил Каскар. – Болеет часто. Помогать надо.

И снова обратился к Татьяне:

– Пока бабушка стол накроет, я вам покажу, где вы жить будете. Мы с отцом в соседней юрте, а вы тут – с бабушкой. Никто не помешает.

Татьяна, помогая себе костылями, прошла на женскую половину. Каскар последовал за ней, заботливо придерживая занавеску. Увиденное ее обрадовало. Кровать хотя и старинная, с панцирной сеткой, но с высокой периной, застеленной пушистым одеялом. Возле кровати – столик, накрытый нарядной скатертью. На нем ваза с синими, похожими на ирисы цветами, на стене – веселый коврик с котятами. А для одежды – небольшой шкафчик. Да, здесь, несомненно, лучше и уютнее, чем в палатке.

– Раньше у нас тоже юрты были – киис иб – из войлока или из шкур, но да-а-авно, до Петра Первого, – тоном опытного экскурсовода сообщил Каскар. – Он, Петр, получается, и нам окно в Европу прорубил, чтоб дома такие же строили. Ну, не из войлока, в общем.

– Ну как? – прервав исторический экскурс, из-за занавески показался Анатолий.

– Замечательно! – абсолютно искренне произнесла Татьяна. – Мне очень нравится!

– Я же говорил. Тут тебе будет спокойно! А захочешь к нам на раскоп – или машину пришлем, или Каскар на мотоцикле привезет. У него «Урал» с коляской.

– Как-нибудь разберемся!

² Будьте гостьей (*хакас.*)

Потом они сидели за низким столиком на мягких подушках. И бабушка Таис потчевала их обедом, который оказался очень вкусным, хоть и непривычным. Сперва они попробовали мун – бульон с сочным отварным мясом, затем Таис подала угре – густой ячменный суп на молоке с овечьей кровью. Принесла она и праздничное угощение хан-сол – кровяную колбасу, которую запивали кислым айраном, а заедали хурutom – особым видом сыра... Да, бабушка Таис постаралась на славу!

Татьяна все время ловила на себе одобряющий взгляд Анатолия. Видно, ему нравилось, что Татьяна не жеманится, не отказывается от новых для нее кушаний. Старушка тоже поглядывала на гостью, но больше молчала. Наконец спросила:

– А ты красавица, видно, из наших краев! Смотрю, мои блюда по вкусу пришлись.

Что Татьяна могла сказать в ответ? Слишком долго пришлось бы объяснять. Но выручил Анатолий.

– Танины предки – кыргызы. Из тех, что жили здесь триста лет назад. Вот, решила побывать на родине!

– Это хорошо, – кивнула Таис. – Родина силу дает! А тебе сила ох как нужна сейчас. Вижу, в беду попала. Ноги слабые совсем. Надо тебя к Хуртаях свозить. Она скажет, что надо делать, чтобы силу вернуть.

– Хуртаях? – удивилась Татьяна. – Кто это?

Но Таис промолчала, словно не слышала. Анатолий сжал ее ладонь и предупредил взглядом: «Не спрашивай!»

Тут Каскар принес с огня кипящий чайник, ведерный, наверное, то ли медный, то ли латунный, с большой медалью на боку. Сквозь патину Татьяна разглядела выбитую на нем дату – 1787 год. И надпись по кругу: «Купец Морозовъ. Самоварное завѣденіе» Надо же, какая древность! Вот бы мать увидела это сокровище! Непременно стала бы клянчить его у бабушки Таис.

Мысли о матери вмиг испортили ей настроение. Сразу всплыли в памяти Виктор и его приятель Федор. Но как найти момент, чтобы рассказать Анатолию о странной просьбе Виктора? Заводить об этом разговор сейчас ей казалось некстати, да еще в присутствии Бориса. Ведь придется все объяснять, выставлять в неприглядном свете матушку. А ей страсть как этого не хотелось. Ведь Анатолий может понять ее превратно. Да и какое мнение сложится у него о ее семье?

Нет, надо улучшить минуту, когда они останутся одни. Тогда ей будет легче все объяснить, даже не вдаваясь в обстоятельства, которые вынудили ее согласиться. Впрочем, Федор устроился в экспедицию без ее помощи. И это немного смягчало ее вину. Ведь, что ни говори, но она реально проявила слабость, не отказав Виктору. Эх, если бы не мама с ее легкомыслием и просто болезненной тягой к старинным безделушкам!

– Ты устала, наверно? – склонившись к ней, тихо сказал Анатолий. – Отдохни сегодня! А завтра уже на раскоп.

– Хорошо, – покорно кивнула она. И только тут почувствовала, как ей хочется спать.

– Не провожай нас, – Анатолий помог ей подняться с подушек. Подал костыли.

От Татьяны не ускользнул быстрый взгляд Таис. И снова ей показалось, что это Ончас наблюдает за ней. И непременно за что-нибудь отругает. Но Таис сказала:

– Сегодня ночью поедem к Хуртаях. Пока молодой месяц на небе. А то упустим время, придется до новой луны ждать!

И спросила:

– Чего встала? Садись! Чаем тебя угощу! Нашим сибирским, со степными травами!

Татьяна вновь опустилась на подушки.

Затем они пили запашистый чай с очень вкусными булочками и с клубничным вареньем. Как пояснил Каскар, клубники на окрестных сопках – пропасть. Правда, сейчас она еще даже цвет не набрала, но в июле будет столько – собирай не хочу!

Борис и Анатолий о чем-то переговаривались с Каскаром и Таис. Громко смеялись, но Татьяна словно выпала из общей беседы. Ее неумолимо тянуло в сон. И когда ее голова наконец-то коснулась подушки, она блаженно улыбнулась: «Хорошо-то как!» – и мигом, как в детстве, заснула.

Глава 4

Татьяна проснулась сразу, словно кто-то подтолкнул ее в бок, и некоторое время лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к тишине. Разрывая ее, пропел петух. И тут же громко заквохтали куры. Она мигом открыла глаза. В щель между занавесками протянулся на одеяло солнечный луч. В нем танцевали пылинки.

«Неужели утро? – поразились она. – Сколько же я проспала?»

Помогая себе костылями, она вышла из юрты. Нет, не утро! Вечер! Значит, спала часа четыре! Но и этого ей хватило, чтобы почувствовать себя отдохнувшей и посвежевшей. Исчезла тяжесть в голове и во всем теле. Она опустилась на деревянную скамейку возле юрты. И только сейчас заметила Таис. Та сидела на камне возле небольшого костра, ощипывала курицу.

– Встала? – спросила старуха. – Скоро ужинать будем!

– Хорошо тут у вас! – сказала Татьяна, подставляя лицо теплomu, пахнувшему травами ветерку.

– Хорошо! – эхом отозвалась Таис. – Чай пить будешь?

– Спасибо! Пока не хочу! – улыбнулась Татьяна. – Смотрю, куры у вас есть. Я слышала, как петух кукарекал. Не разбегаются по степи?

– В загоне их держу, – махнула рукой Таис куда-то за юрту. – А то петух у меня блудливый. Один раз за сопку всех кур увел. Двух коршун унес, а неделю назад лиса приходила. Нохай ее загнал. – И пояснила: – Нохай – наш пес. Сейчас за гору ушел с Каскаром. На вечернюю дойку.

За разговором Таис ловко разделала курицу и опустила ее в стоявший рядом чумазый котелок. Затем долила в него воды и подвесила над костром. Снова присела на камень и достала из кармана трубку. Обычную, деревянную. Но с трубкой в зубах еще больше стала смахивать на Ончас. И сразу вернулась тревога! Вспомнилась неведомая Хуртаях, к которой обещала ее свозить Таис. Интересно, забыла старуха о своем обещании или нет? Спросить Татьяна не решилась. А Таис, раскурив трубку, пыхнула дымком и продолжала:

– Наш народ кочевой. Коров раньше не разводили, только коней и овец. Да, овец мы разводили черных – хара хой! А если держали куриц, то ради яиц. Есть птицу нельзя было, шаманы запрещали. Люди ходят по земле, а летать могут только духи... И еще шаманы говорили: будешь есть птицу, не сможешь собирать кедровый орех в тайге и ходить на охоту. Станешь все время смотреть в небо и добычу проглядишь. А сейчас молодежь в духов не верит. Ест все подряд, оттого, видно, и пьют, и наркоманят...

Таис тяжело вздохнула и снова пыхнула трубкой. Затем неожиданно сказала:

– У тебя в роду сильные шаманы были! Очень сильные!

– Откуда вы знаете? – опешила Татьяна.

– Серьги твои вижу! Много им лет, но силу свою не потеряли.

Татьяна невольно подняла руку и коснулась серьги. Надо же, она спала в них. И ничего не приснилось.

– Эти серьги – редкие, – продолжала Таис. – Не каждый их сможет носить. У тебя тоже есть шаманский дар. Только ты пока не знаешь об этом. Чтобы стать настоящим шаманом, нужно много испытаний пройти. Твоя болезнь – твое испытание.

– Какой из меня шаман? – усмехнулась Татьяна. – А ноги у меня не ходят после аварии.

Таис хмыкнула.

– Авария – тоже испытание. Сама про то не знаешь, какое испытание! Пойду в юрту, – она поднялась с камня. – Надо к встрече с Хуртаях подготовиться.

Таис ушла, и Татьяна осталась одна. Подошла полосатая кошка, потерлась о ноги, затем прыгнула ей на колени. Кошка тихо мурлыкала, а она сидела и наслаждалась степным вечером.

Такие долгие, прозрачные вечера бывают только в июне. Розовая дымка по горизонту, и все пронизано светом – уже без духоты и жара. Ни дуновения, ни шороха, ни шепотка. Несколько часов безветрия, медово-золотистого света, тончайшей дымки, невообразимых красок неба.

Вечер принес ей ощущение покоя, отрешенности, какой-то завершенности во всем. Жизнь представляла быстройтечной и красивой, как на старинных японских гравюрах, а за сменной форм, их внешней красотой и совершенством угадывалось что-то более важное, вечное. Так звуки органа вызывают грусть, острое переживание красоты, понимание земного как преддверия в другие миры – неясные, необъяснимые и потому завораживающе чудесные и немного тревожные.

Подошел Каскар с бидоном в руках. Присел рядом. Тотчас появилась большая лохматая собака и улеглась у его ног, не обратив внимания на кошку. Но та благоразумно прыгнула с колен и с величественным видом удалилась в заросли конопли, которая росла повсюду, как чертополох. Татьяна на всякий случай отодвинулась от собаки.

– Не бойся, не тронет, – добродушно сказал Каскар. – Нохай только волков гоняет. А так мухи не обидит. – И поставил ноги в растоптанных шлепанцах на спину собаки. – Видишь, даже не шевельнулся.

Некоторое время они сидели молча. Каскар курил, дымок относил в сторону озера. Там тихо шелестели камыши, громко кричали утки. Видно, обсуждали прошедший день. Татьяна наконец осмелилась и спросила:

– Каскар, почему к Хуртаях нужно ехать ночью? Почему не днем или вечером?

Каскар некоторое время смотрел в одну точку, размышлял. Затем серьезно сказал:

– По-моему, лучше ночью. Не надо ходить к ней перед закатом.

– Именно перед закатом?

– Так говорят – перед закатом.

– А после заката? – спросил она не без иронии.

– После заката можно... – ответил неохотно Каскар и, склонившись, потрепал собаку за уши. – Хороший пес Нохай, смелый!

Татьяна поняла: Каскар переводит разговор. Не хочет брать на себя ответственность. Сразу объяснил – так в народе говорят, а я лично тут ни при чем. И она почувствовала: если станет приставать, тем более – шутить, он просто замолчит, закроется и она не услышит от него больше ни единого слова. И все же не сдержалась, спросила:

– Каскар, а что происходит перед закатом?

– Говорят, хозяин долины не любит, когда по ней ходят в такое время.

– Кто говорит? Хакасы говорят?

– Не все хакасы... Только те, кто знают...

– И ты знаешь?

Он пожал плечами.

– Если Таис захочет – расскажет. А пока не спрашивай...

Закурив новую сигарету, он недолго молчал, затем заговорил снова:

– Хакасы, даже городские, с большим уважением относятся к тому, что за гранью сознания. И древние легенды для них не пустой звук. И то, что говорят шаманы, – свято.

Он встал, протянул ей бидон.

– Молоко вот принес. Парное. Для здоровья полезно.

И, свистнув псу, который затрусил следом, ушел.

Закат догорал. Розовая полоса на горизонте тускнела, словно подернутая дымкой. Остро пахло полынью и еще какими-то травами, с озера потянуло сыростью. Воздух загустел, на степь и сопки напозлали синие сумерки. В небе замерцали первые звезды. А над дальней лесополосой взошла луна.

Из юрты вышла Таис, сняла с костра котелок с курицей, позвала ужинать. Татьяна отказалась, лишь попросила кружку. Таис кивнула и принесла пивную. Налила в нее молоко из бидона, подала, все это время пристально рассматривая Татьяну.

– Что-то не так? – спросила она.

– Пей, пей молоко, – отозвалась старуха. – Городские нос воротят от парного. А ты пей, быстрее на ноги встанешь.

И снова ушла в юрту.

Татьяна пила молоко, смотрела, как затихает все вокруг, слушала удивительную тишину вечера. Костер догорал, выбрасывая редкие языки пламени, а потом и он затих. Красные угли постепенно затянуло серой патиной. Стало совсем темно, и пространство резко сократилось. Даже в свете луны сопки и озеро еле угадывались. Раньше за озером были видны поля, лесополосы и склоны дальних сопок, а теперь темнота словно замкнула горизонт.

Татьяна давно уже отставила кружку. Что-то подсказывало: надо вернуться в юрту.

Напряжение, острое чувство, что кто-то пристально смотрит в спину, – все это нарастало по мере того, как сгущалась темнота вокруг. И ведь знала она, что за ее спиной только юрта, но ощущение чужого присутствия не проходило. Луна поднялась выше. Ее свет посеребрил траву, камышовые заросли на берегу и березы на склонах сопки. Сразу открылись дали – призрачные в свете луны, серебристо-золотистые, летучие дали, вплоть до холмов за рекой Абасуг. Но лунный свет принес с собой новый приступ напряжения.

Костер вдруг вспыхнул, взметнулся вверх пучок искр, и снова все стихло. Лишь издали едва слышно доносилась музыка. «Видно, из лагеря», – подумала Татьяна и подтянула к себе костыли. Зябко ей стало, неуютно. Но тут появился Нохай. Зевнув, он улегся возле ее ног и принялся сонно вздыхать и возиться. Правда, присутствие собаки не избавило Татьяну от тревожных предчувствий. Она подтянула к себе костыли.

И тут снова вспыхнул костер, словно в него подбросили охапку дров. Красные блики прыгали по юрте, но не слышно было ни шелеста огня, ни треска дров. Только Нохай поднял голову и тихо, вкрадчиво заворчал. Татьяна оглянулась на юрту. Позвать на помощь Таис? Каскара? Он наверняка где-то рядом. Но что она скажет им?

Она перевела взгляд на костер и вздрогнула от неожиданности. Между камней костровища вырывалось пламя. А на том камне, где недавно сидела Таис, устроился человек. Женщина. Совсем еще молодая, с едва заметными монголоидными чертами, с отрешенным выражением умного, красивого лица.

Нохай издал тихое, злобное, какое-то тоскливое ворчание и пополз к костру. Медленно, с замиранием сердца Татьяна поднялась со скамейки. Иссиня-черные волосы незнакомки были собраны в высокую, наподобие японской нихонгами, прическу. Из нее торчали длинные то ли спицы, то ли шпильки – наверное, на них и держались волосы. Лицо показалось ей смутно знакомым.

Неодолимая сила влекла ее к этой женщине. Татьяна сделала шаг-другой. Исчезло ощущение тревоги, страх. Женщина по-прежнему не замечала ее. А Нохай подполз к ней и положил голову на колени. Женщина гладила его, а пес повизгивал и старался лизнуть в лицо. Она не отворачивалась и все так же задумчиво смотрела в костер. Отблески пламени играли на ее лице, а Татьяна мучительно вспоминала, на кого же она похожа?

Сделала еще пару шагов. Массивные длинные серьги в ушах и множество тонких и широких браслетов на руках незнакомки отсвечивали червонным золотом в пламени костра. Платье цвета спелой вишни плотно облегалo точеную фигуру, спадало на землю тяжелыми складками. На шее у нее сверкало камнями, переливаясь, тяжелое украшение, вероятно золотое, в виде широкого обруча, и не походило ни на что, виденное Татьяной прежде. А на поясе висел то ли длинный кинжал, то ли короткий меч, и его ножны тоже отливали золотом.

Пламя вспыхнуло с новой силой, Татьяне показалось – до небес, ослепив ее на мгновение. Она зажмурилась. А когда открыла глаза, костер едва тлел, а женщины возле него не было. Но она не исчезла. Уходила в степь по лунной дорожке, что серебрила ковыль и протянулась через озеро до самых дальних сопок.

Сложно описать ее ощущения, но Татьяне почудилось, что за ней снова наблюдают, следят тысячи глаз, видят, что творится в душе, и обращаются к ней. Но теперь она ничего не боялась. Вдруг слегка закружилась голова, но сердце перестало тревожно биться, осталось лишь небольшое волнение и... любопытство. Ее словно держали невидимые силы, бережно, чтобы не навредить, но желавшие поделиться какой-то тайной – неведомой, но очень важной для нее.

Женщина обернулась и сделала приглашающий жест рукой. Она звала, манила за собой. И Татьяна вспомнила, кого напоминает ей незнакомка. Это ведь тетя Ася! Молодая, с той давней фотографии, где она в светлом платье в горошек...

Теперь уже безбоязненно она шагнула за женщиной. Ничего не изменилось в мире. Где-то кричала ночная птица. Остывая, дышала теплом степь, одуряюще пахли травы. Татьяна ощущала себя крошечной, несоизмеримой громадному звездному небу, громадной степи и стеклянно-синему зеркалу озера, блестящему впереди. Нохай, прильнув к земле, полз за женщиной и тихо повизгивал, высунув от усердия язык.

Видно, от волнения дыхание сбилось. Татьяна остановилась, чтобы перевести дух. Женщина оглянулась и снова махнула рукой. Озеро было совсем близко. Тихо шуршали камыши, плескались волны, набегая на песчаный берег. Татьяна видела все отчетливо, словно днем.

Но тут Нохай вскочил на лапы и отчаянно залаял. А в том месте, где стояла женщина, взметнулся ослепительный столб света и ушел в небо. Пес оглушительно залаял в темноту. Кого он увидел? Во все стороны и сзади – ни малейшего движения. Татьяна сделала шаг, и тут же Нохай, скуля, ринулся вперед. Тело огромного пса было напряжено, как струна, на морде застыло безумное и вместе с тем жалкое выражение. Нохай не бежал. Он рвался в атаку. Татьяна поняла: пес в любую секунду готов к битве не на жизнь, а на смерть, и к тому же ужасно боится. Но с кем драться? Кого бояться? Нигде никого! Мертвая тишина, дремотный покой степи...

Татьяна даже не успела испугаться. Сильное тепло охватило ее до пояса. Тело стало легким, будто невесомым. Ее не обожгло, нет! Так бывает, если рядом стоит печка и испускает сильный жар. Это продолжалось какое-то мгновение. Вроде бы жар нарастал? Или ей показалось? Стиснув зубы, она взглядела в темноту. Там действительно никого не было. Женщина исчезла, растворилась...

Татьяна оглянулась. За спиной виднелась юрта, алело пятно костра. Ничего ровным счетом не изменилось!

Нохай подбежал к ней, ткнулся в ноги лобастой головой. И она поняла, что стоит без костылей. Более того, костыли остались возле юрты. Расставив лапы и по-волчьи склонив голову, пес снова зарычал, низко, угрожающе, как на крупного зверя или на врага. Острое чувство нереальности происходящего буквально пронзило ее. Татьяна упала на колени, вскрикнула, пытаясь подняться. Руки лихорадочно шарили по земле, но сухие пучки травы рвались под пальцами, в колени впились мелкие острые камешки. И тогда она поползла, обдирая руки о колючки и камни.

Нохай продолжал рычать за ее спиной, а затем обогнал и с громким лаем кинулся к юрте. Из нее показалась Таис, откуда-то из темноты вынырнул Каскар и бросился к Татьяне. Помог ей подняться и все спрашивал тревожно:

– Что случилось? Как ты здесь оказалась?

Навстречу спешила Таис. Они подхватили ее с двух сторон под руки. И повели к юрте. Но она шла своими ногами. Шла, шатаясь, будто пьяная. Но впервые за долгое время чувствовала подошвами землю, переступала через кочки, крупные камни. Голова кружилась, Татьяну

слегка подташнивало, как при качке в самолете, но она шла. В какой-то момент Таис остановилась и отпустила ее руку.

– Иди! – сказала тихо. И приказала Каскару: – Не держи ее! Она сама...

И Татьяна ничуть не удивилась. Робко, как только что научившийся ходить ребенок, сделала шаг, другой, третий... Вот уже и лавочка возле юрты видна... Она рухнула на нее, перевела дыхание и неожиданно заплакала.

Таис гладила ее по голове, что-то тихо шептала. Каскар, присев на корточки, нервно курил. Затем, отбросив окурок, снова спросил:

– Как ты очутилась у озера?

– Не знаю, – прошептала она сквозь слезы.

Почему-то ей не хотелось рассказывать о странной женщине с лицом тети Аси. Может, она задремала и все ей привиделось? Но она никогда не бродила во сне. И как объяснить то, что она вдруг пошла? Год тренировок на тренажерах, плавание в бассейне, массажи, бальзамы и мази не помогли. А тут встала и пошла, забыв о костылях. Такое невозможно, но ведь пошла же! Иначе как чудом это не назовешь!

Она шмыгнула носом, смахнула слезы и глянула в сторону озера. Луна скрылась за облаками, и лунная дорожка исчезла. Но ей послышался шорох крыльев. Из кустов взметнулась чья-то тень. Казалось, большая птица пронеслась над водой и растворилась в темноте. «Хысхылых», – мелькнуло в голове. Но откуда здесь взяться фламинго?

– Успокойся! – голос Таис вернул ей ощущение реальности. – Сейчас Каскар подъедет на мотоцикле. Хуртаях ждет нас.

И правда, через мгновение раздался треск мотора, из-за юрты вырвался ослепительный луч света. Следом возник Каскар на железном коне о трех колесах. Запахло бензином, а Каскар весело прокричал:

– Залезай!

Все еще ощущая качание под ногами, Татьяна медленно подошла к мотоциклу и, отвергнув предложение сесть в коляску, устроилась за спиной Каскара. Таис с каким-то узлом в руках заняла место в люльке.

И они помчались через степь, подпрыгивая на кочках и выбоинах. Мелкие камешки летели из-под колес, ветер бил в лицо. Татьяну переполняло счастье. Обхватив Каскара за талию, она не верила, что все это происходило с нею. Но ноги ощущали тепло нагретого металла, она чувствовала напряжение в коленях и жесткое сиденье, на котором ее подбрасывало, когда колеса попадали на камень или в ложбинку. Ей захотелось вдруг закричать во все горло или запеть, но она побоялась разрушить охватившее очарование, разбудить степь и сдержала этот порыв.

Ехали они около часа, наверно. Сопки подступили совсем близко, а степь перешла в узкую долину, заросшую мелким кустарником и густой травой. Луна скрылась за облаками. Иногда ее свет прорывался сквозь редкие прорехи, и на мгновение все вокруг принимало серебристо-пепельный оттенок. Мотоцикл мчался все дальше и дальше, разрезая темноту лучом света. Мелькали метелки трав, березовая поросль. Но вскоре степь снова раздалась вширь. Справа сверкнула гладь реки. Стало холоднее, и Татьяна пожалела, что не надела теплую куртку.

Наконец они остановились.

– Приехали! – сказал Каскар и помог ей сойти с мотоцикла. Таис, кряхтя, вылезла из люльки самостоятельно.

Татьяна в недоумении огляделась. Справа – все та же река. Совсем не Абасуг. Уже и, судя по каменистым перекатам, на которых глухо шумела вода, мельче. Они стояли на поляне, в конце которой на небольшом возвышении виднелся одинокий камень.

– Вот она, Хуртаях, – тихо сказал Каскар. – Мне к ней не стоит приближаться, а ты иди!

И она пошла как ни в чем не бывало, разве что медленнее, чем раньше. Таис уже возилась возле каменного идола, кажется, разжигала костерок. Татьяна приблизилась к тому, что здесь называли Хуртаях. Вспыхнуло пламя, осветив грубо высеченное женское лицо. Черты его едва обозначены: слегка раскосые глаза, широкий плоский нос, приоткрытый рот... Грудь, выпуклый живот... И какие-то знаки, похожие на древние руны. Среди них Татьяна разглядела солярный круг и что-то похожее на дерево с устремленными вверх ветвями... Обыкновенная каменная баба. Нечто подобное она видела в степях Таврии. Правда, тамошние идолы были приземистее, и груди у них – чуть ли ни до земли.

Таис приблизилась к Хуртаях, обвела вокруг нее тлевшей веточкой можжевельника, затем то же самое проделала над головой Татьяны. Помазала идолу губы жиром, поставила у подножия две чашки – одну с молоком, во вторую плеснула водки из бутылки, которая хранилась у нее за пазухой. И все время что-то приговаривала, то ли умоляя, то ли упрашивая. Потом отошла, присела на корточки возле костра и закурила трубку. Татьяна стояла, не зная, что делать. Старуха плеснула из бутылки в костер. Пламя весело вспыхнуло, старуха довольно крикнула и приложилась к бутылке. Сделала пару глотков и протянула ее Татьяне, обтерев горлышко подолом платья.

– Пей! – приказала.

Татьяна не посмела послушаться. Торопливо глотнула и закашлялась. Это была не водка, а крепчайший самогон. Она поискала глазами, чем бы закусить. Горло горело, но по телу пошло тепло, и дыхание восстановилось.

– Подойди к Хуртаях, – сказала Таис. – Поклонись ей и спроси о том, что для тебя важно. По пустякам она не говорит.

Татьяна приблизилась к идолу. Коснулась пальцами неожиданно теплого камня – шершавого, с рыжими пятнами лишайников. Хуртаях, казалось, смотрела сквозь нее. На лице ее застыло довольное выражение. Отблески пламени отплясывали на грубо высеченном лице, и оттого оно казалось живым. Татьяна попыталась отнять руку, но та налилась тяжестью, а ладонь и пальцы пронзили тысячи иголок, как при слабом разряде тока.

«Анатолий! – пришло вдруг в голову. – Где он сейчас? Наверняка видит десятый сон в своей палатке». И тотчас увидела его сидящим за длинным столом в той самой полосатой палатке. Возле разложены какие-то книги, толстые тетради, но он смотрел на экран ноутбука и улыбался. Что он там видел? И тут картинку словно развернуло в пространстве, и она разглядела на экране свою фотографию. С той самой, последней, выставки.

Подперев подбородок рукой, Анатолий курил и продолжал с задумчивым видом рассматривать фотографию. Затем закрыл ноутбук, затушил сигарету о дно пепельницы. Его лицо было совсем близко. Странное чувство охватило Татьяну. Скорее! Скорее! Нужно срочно увидеть его! Сказать что-то важное! Обнять!..

Сердце ее взволнованно билось. Татьяна потянулась к нему и... поняла, что обнимает Хуртаях. А в груди разливается новое чувство, которое она так долго сдерживала, таила от себя и от Анатолия в первую очередь. Зачем скрывала, чего боялась? Ей уже казалось нелепым, что он может любить другую. Взгляд, которым он смотрел на фотографию, был взглядом любящего человека. Без всякого сомнения! Ведь она не только увидела, но и почувствовала...

Она отошла от Хуртаях, присела на корточки возле Таис. Та улыбнулась:

– Вижу, хорошее увидела. Значит, так оно и будет! И у тебя, и у него! Хуртаях не обманывает.

Татьяна промолчала, но губы непроизвольно растянулись в улыбке. Ее слегка потряхивало от предчувствия счастья. Просто небывалого счастья! Она не задумывалась над тем, кого имела в виду Таис. Она и без того знала, что это чувство связано с Анатолием. Взаимное чувство!

– Бабушка Таис, – наконец, спросила она, – а почему Каскар не подошел к Хуртаях?

– Рано ему, да и парень он. Хуртаях больше женщинам помогает. Ты ведь спросила о том, в чем сама была не уверена. А теперь знаешь, что не ошиблась. По осени свадьбу сыграете, а следующим летом сыночка родишь.

Татьяна задохнулась от неожиданности. Ведь она даже не думала о замужестве, тем более о рождении ребенка.

– Сын у вас будет на него похожий, – продолжала Таис. – Не спрашивай, откуда знаю. Но перед рождением ребенка приезжай снова к Хуртаях, чтоб роды хорошо прошли.

«Какие роды? – хотелось воскликнуть Татьяне. – Все еще так неясно! С его женой, наконец!» Но поняла, что лучше не начинать эту тему. Пусть дольше продлится очарование! Теперь ей нечего бояться. И как удивится Анатолий, когда увидит ее без костылей. И очень обрадуется. Теперь она ни капельки не сомневалась, что он очень обрадуется!

В круге света появился Каскар.

– Собирайтесь быстрее! Дождь будет! Нужно срочно где-нибудь спрятаться!

Снова мотоцикл мчал их через степь, но теперь они направлялись к сопкам, поросшим редким березняком. И вскоре оказались в низком сухом гроте под скальным выступом. Каскар включил фонарик, осветив будто для них приготовленные охапки соломы и небольшую кучу сухого хвороста.

Снаружи бушевал ветер. В какой-то момент Татьяне показалось: еще немного, и он разрушит их убежище. И, сколько бы она ни цеплялась за камни и ни вжималась в расщелины, ее понесет по степи, как перекасти-поле...

Таис все это время сидела, притихнув, в дальнем углу грота. Каскар пытался зажечь костер у входа. Хворост дымил, не желая разгораться. Но терпение победило! Крохотные язычки пламени побежали по веткам одновременно с началом дождя. Каскар выпрямился, снял с себя меховую безрукавку и накинул на плечи Татьяне. Таис из темноты протянула ей кусок хлеба с толстым ломтем мяса и термос с чаем. Вот, оказывается, что хранилось в ее узле!

Они перекусили бутербродами, запивая их чаем из одной чашки – крышки термоса. Ливень не унимался. Таис вновь засмолила свою трубку. Капли дождя барабанили по камням, причудливые тени металась по стенам грота. Таис заговорила, и Татьяна услышала удивительную легенду, если не быль. Теперь она верила, что в этих местах могло произойти любое чудо!

– ...Однажды в древнюю степь ворвалась беспощадная орда, – рассказывала Таис. – Пламя охватило юрты, по земле потекли потоки крови. Враги рубили всех подряд, уводили в полон молодых, стариков и детей бросали в горевшие юрты. Жена вождя поняла, что и муж, и сыновья, и многие воины неминуемо погибнут. И тогда обратилась к богине Имай с мольбой сохранить народ, дать ему бессмертие. Богиня откликнулась на просьбу женщины и согласилась передать ей на сохранение хут – зародыш будущей жизни народа, их силы и энергии. Имай наказала женщине сесть на лучшего коня и мчаться прочь, не оглядываясь в пути. «Иначе станешь камнем!» – предупредила богиня. Но жена вождя не выдержала криков, которые доносились с поля битвы, и оглянулась... Однако в последний миг жизни взгляд Хуртаях поразил врагов – превратил их в камень, а кровь павших в бою пролилась в реку Ахпыс. Вода в ней всегда ледяная и сладкая на вкус.

Считается, что вода из этой реки может исцелить любые раны. Однажды мать бабушки Таис заболела оспой и искупалась в Ахпысе. Все раны на теле затянулись за день, а вскоре от оспы не осталось ни следа.

Древний народ выжил после той страшной битвы и на протяжении веков оказывал Хуртаях – Матери матерей – почести. И тогда, когда шли на охоту, и тогда, когда выгоняли на пастбище скот. Перед свадьбой или рождением ребенка ублажали с особым старанием. Оседлав коней, люди объезжали вокруг Хуртаях – в седло сажали даже беременных женщин и стариков, – а потом делали ей подношения. Каменная женщина очень любит молоко и... молочную водку. Люди заранее готовились к обряду, приносили с гор веточки можжевельника и жгли

возле Хуртаях. Пахучий дым отгонял злых духов и открывал ворота именно в тот мир, где до сих пор живет Мать матерей...

Таис замолчала, посасывая потухшую трубку. Никто не заметил, что ливень прекратился. Но с вершин сопки в низину скатился туман. Спустя несколько минут все вокруг подернулось густой молочной пеленой, сквозь которую костер поблескивал, точно красный глаз неведомого чудовища.

Но вскоре вдали проявился тусклый свет, который становился все ярче и ярче и, наконец, залил золотом весь склон, проник в грот и, будто олово, растопил туман в долине. У горизонта все еще плясали ритуальные пляски молнии. А над их убежищем снова было чистое небо. Над сопками поднялось солнце. Теплый луч упал на Хуртаях. Татьяне показалось, что та покачнулась и повернула голову в сторону реки Ахпыс, что родилась из крови воинов, павших в легендарной битве, а степь словно вздрогнула от топота коней ночных всадников...

* * *

Утро было тихим и ясным. Лучи солнца вспыхивали золотыми искрами на мокрых камнях и листьях деревьев. Поросшие редким березняком сопки, точно гигантские муравейники, вставали над дорогой. Пологие вершины алели отблесками рассвета. По долинам бродила сизая мгла. Обрызганные крупной росой розовые цветы облепили кусты шиповника, растущего у подножия сопки. Запах стоял одуряющий, словно все вокруг окропили изысканными духами. Каскар, притормозив, сорвал этот чудный цветок и протянул его Татьяне.

Она едва нашла силы, чтобы улыбнуться в ответ. Безумно хотелось спать. Как зыбкое видение возникла в степи юрта Таис, выскочил навстречу пес и принялся носиться кругами, влаивая от восторга. Каскар подал ей руку. Она сошла с мотоцикла, отметив, что ненужные теперь костыли валялись возле потухшего костровища. Глаза закрывались сами собой. Татьяна не помнила, как добралась до кровати, и впервые за долгое время забылась в глубоком спокойном сне.

Глава 5

... Скакала по степи Айдына, подставляя лицо степному ветру, который пах ирбенон и полынью. Скакала, и ветер развеивал ее косу. Оттягивали уши тяжелые серьги, а к фигурке богини Имай словно приклеился солнечный лучик. Домой! Она скакала домой, и никакие, даже самые злобные и коварные силы не могли остановить ее в этом движении...

А рядом – стремя в стремя – Киркей. Губы его плотно сжаты, глаза под шлемом прищурены. Много дней прошло, как сошел в степи снег, и все это время Киркей с десятком воинов крутился возле острога. Зазеленели деревья, распустились степные цветы, поднялись новые травы. Подолгу он лежал в них, прячась за камнями, думая, как передать весть Айдыне. Но стены острога стояли между ним и любимой. Всего пару раз слышал он ее пение. Тогда его сердце готово было разорваться на куски. От счастья, что Айдына жива, и от ненависти к орысам, державшим ее в остроге.

Семь лун назад вернулся в улус Ирбек. С гнилой раной в боку, едва живой от голода. Он-то и рассказал всем о страшной гибели Теркен-бега и его дочери. Жутко выла Ончас, билась головой о землю. Растрепала седые косички, порвала в клочья рубаху на груди. Больше всего она сокрушалась, что не похоронила братьев и внучку по обычаям предков.

Ирбек быстро встал на ноги, даже рана его затянулась, не оставив следа. А ведь кишела червями и смердела, когда он, задрав рубаху, показывал ее чайзанам. Настолько велика была сила шаманских тэсей, что смогла отвести меч орыса, который намеревался снести Ирбеку голову. Острые лишь задело бок, а сам шаман, напустив на врагов морок, шустрее ящерицы шмыгнул в камни. Но Теркен-бега не успел спасти. Подкрались орысы во тьме незаметно... Убили часовых, трусливо порубили спящих воинов...

Много дней улус горевал о своем беге, но пришло время выбирать нового вождя. На это требовалось согласие богов. Но они за что-то сердились на народ Чаадара, не позволяли старейшинам и алгысчилу³ подняться на родовую гору: заволокли ее туманом. А ведь только на ее вершине благословитель мог принести жертвы Небесному творцу – Великому Хан-Тигиру и просить у него благополучия и покровительства народу Чаадара при выборе нового бега.

На жертвоприношения Хан-Тигиру шамана не допускали. Старики говорили: бывало, шаман поднимался на гору Небесного моления и тотчас падал в обморок, или его начинал бить припадок, или крутить судороги. Если он оставался и дальше, то умирал в страшных корчах и муках.

Ирбек знал, что путь на Изылтах ему заказан. Но он мог этот путь открыть для алгысчила и старейшин. С помощью бубна и колотушки разогнать непогоду над Изылтах, над которой творилось что-то несусветное.

Дни и ночи напролет черные тучи затягивали небо, глухие раскаты грома сливались в грозный рокот. Молнии чертили огненные зигзаги, били в деревья, раскалывали их, жгли. Языки пламени лизали камни, а искры уходили в землю, проникали в Нижнее царство. На пару мгновений проглядывало синее небо, и вновь молнии вспыхивали одна за другой.

Шквальный ветер набрасывался на деревья, и все вокруг обращалось в хаос – рычащий, беснующийся, то и дело прорываемый вспышками ослепительно-голубого пламени. Огромные березы раскачивало и вырывало с корнями, которыми они цеплялись за камни, надеясь выжить. А камни из последних сил пытались удержать деревья, будто свое прошлое, пережитое вместе.

Долго камлал у подножия горы Ирбек. Несколько дней и ночей подряд. В скалы целились кинжалы молний, но не смог их отвести своим бубном шаман. Неукротимая и неподвластная

³ Благословитель.

Ирбеку мощь опять и опять насылала на склоны Изылтах грозу. В небе раз за разом гремел гром. Ветер стонал и рвал в клочья облака.

Одна из молний ударила так близко, что сожгла его шалаш, а сам Ирбек повалился замертво. И лежал так три дня – живой, но с черным, словно рыльце землеройки, лицом.

В аале шептались: «Отняла рана силы Ирбека...» – но не решались сказать открыто, опасаясь мести тёсей шамана. Кто знает, вдруг вернется былое могущество, и тогда отведет Ирбек своим бубном от священной горы Изыл молнии, будто подоженные стрелы – щитом, как отводила их когда-то девятикосая Арачин. И гроза отступала. Она медленно и неохотно отползала за дальние хребты, слабея и хирея на глазах, потому что не было другой столь великой силы, как у Арачин, способной вызвать защитников из иных миров...

Все, что происходило в улусе, Киркея не волновало. Осенью он ушел из табуна и поселился в той самой пещере, где совсем недавно они прятались с Айдыной от гнева родных. Его подружка была мертва, а он никак не мог с этим смириться. Иногда ему хотелось замуровать вход и остаться под каменными сводами навсегда, но всякий раз что-то останавливало Киркея.

Наступила зима, все вокруг оцепенело в ледяных объятиях пурги и коварной стужи. Каждый вечер смотрел он на крупные звезды над урочищем, надеясь, что одна из них – Айдына – непременно подаст ему знак, что видит, чувствует его любовь... Но Звездный Охотник – Ульгер все так же гонялся за Стаей Уток – Хус Уязы⁴, серебром отливал бесконечный Хоры Чолы⁵, тускло мерцал Алтан Хадас⁶.

Но звезды были безучастны к его страданиям. И те, что крупнее, и те, что помельче, пилились на землю, бестолково моргая, – холодные, сонные, ленивые... Нет, душа Айдыны не могла воплотиться в звезду. Она наверняка превратилась в ветер. Резкий, порывистый... Но ветер тоже не давал Киркею ответа, как не давали его солнце, заря и птицы, чьи песни звучали громче и дружнее с приближением тепла...

Душа у Киркея, казалось, выгорела и ссохлась, как высыхает нутро у старого дерева. Но из глаз его не пролилось и слезинки. Воины Чаадара не плачут, иначе их победит даже младенец.

Так продолжалось всю зиму. Однажды он чуть не замерз в пургу. Но, видно, боги хранили Киркея. Каким-то чудом его отыскала старая Ончас и затащила в свою юрту. Накормила, отпоила хымысом⁷, выходила, а когда он впервые сел на постели, тихо сказала:

– Жива Айдына! Я знаю! В остроге она, у орысов! Найди ее и вызволи из плена!

А еще велела молчать до поры до времени. Почему – не сказала. Старая Ончас, почти ослепшая от горя, но мудрая. И о том, что когда-то жаловалась Теркен-бегу на строптивного кыштыма, не вспоминала. Киркей тоже об этом забыл. Зачем копить пустые обиды?

Старуха по вечерам исчезала. Она не запрещала Киркею выходить из юрты. Но он и захотел бы – не смог бы далеко уйти. Ноги плохо держали его, но ведь ничто не мешало ему размышлять. Тем более все мысли крутились вокруг Айдыны. Жизнь снова наполнилась смыслом и любовью. Поэтому он, не переча, пил горькие отвары трав, не ворчал, когда старуха острыми кулачками разминала ему спину и грудь, натирала медвежьим салом и все время что-то шептала: то ли заклинала, то ли призывала богов. И не напрасно. Киркей чувствовал, как наливалось силой его тело. А чтобы вернуть крепость рукам, крутил и вертел то каменную ступку, то мельничный жернов и радовался, что с каждым днем быстрее и ловчее с этим справлялся.

Но вот пришло, наконец, его время. Поздно вечером вернулась Ончас в юрту и молча положила перед ним доспехи воина и меч. Всхрапнул за войлочной стеной конь. Киркей вышел

⁴ Звездное скопление Плеяды.

⁵ Млечный Путь.

⁶ Золотой кол (*хакас.*), то есть Полярная звезда.

⁷ Кумыс.

наружу. Десять всадников при полном вооружении ждали его появления. Лучшие матыры улуса.

– Веди нас, Киркей! – сказали, словно он был первым среди них. И он не удивился. Так захотела Ончас, а она, похоже, знала, чего хотела...

В предутренней пелене тумана просыпалась, оживала тайга, когда всадники миновали пределы улуса. Припадая к земле, кралась к заячьим норам, к глухариным токам огнеглазая лиса. Черный соболь, подрагивая острой мордочкой, скользил по гнилой валежине, скрадывая мыш. У синих болот злобно хрюкал грозный вепрь-секач. Прильнув к стволу сосны, рысь поджидала добычу – несмышленного сойка-мараленка. В камышах гнездились тучи уток, гусей, куликов...

До острога скакали трое суток, без сна и отдыха, делая короткие остановки, чтобы накормить и напоить лошадей. А затем потянулись долгие дни, когда Киркей и матыры, сменяя друг друга, кружили вокруг острога, как степные волки, карауля добычу. Но казаки по одному из острога не выезжали.

Киркей изводился от нетерпения. А вдруг Ончас ошиблась и Айдына мертва, как ее отец и дядька? Но сердце подсказывало: жива его подружка, жива!

Куковала в зарослях кукушка. Отогревшись на солнце, вовсю распевали птицы. В горах и в тайге вились свежие, молодые, будоражившие Киркея запахи.

Они проникали в него, как стрелы, наполняли тело и душу почти бесовской силою. Хотелось броситься на траву, на пробудившуюся землю и кататься по ней, и рычать, и кричать во все горло. Как дикий зверь, размять кости, сбросить космы старой шерсти после невыразимо долгой спячки.

Хотелось, расправив плечи, дышать полной грудью. Дышать жадно, чтобы прополоскать легкие густой горной прохладой, а потом запеть во весь голос. Так запеть, чтобы услышали твою песню девушки из многочисленных юрт, которые скоро, точно белоснежные цветы, вырастут в степи.

Хотелось, подставив грудь лучам солнца, глядеть и глядеть в небесную голубизну, пока не уснешь, убаюканный весенним теплом...

Хотелось... Но тревога не позволяла ему насладиться жизнью. Все мысли его были об Айдыне. И днем и ночью. И чем больше думал, тем чаще она приходила к нему во сне. Обнимала, ложилась рядом на мягкую кошму. И всякий раз происходило то, отчего Киркей просыпался в поту и скрипел зубами от досады. Его руки помнили тонкое девичье тело, нежность объятий и тепло мягких губ. А как податлива была Айдына! Как покорна! Как страстно изгибалась под ним и молила о любви снова и снова!

Наконец его ожидание увенчалось успехом. Однажды вечером он услышал пение любимой и от радости застрекотал кедровкой. И так три раза. Когда-то этим криком он вызывал ее из юрты. Айдына услышала, поняла и ответила нежным напевом горлицы.

Киркей подпрыгнул от счастья. А через несколько дней Айдыне каким-то образом удалось обхитрить сторожей, и она вышла за ворота острога. Правда, не одна, в сопровождении крепкой бабы орысов.

Словно стрелы, выпущенные из тугих луков, выскочили из-за кустов воины Чаадара. И вот уже Айдына в седле, только баба не отставала. Бежала следом и кричала не своим голосом. Тогда один из матыров, Адолом его звали, подхватил бабу под мышки и усадил перед собой в седло.

На стенах острога орали орысы, пускали вслед стрелы и пули, но Киркей давно подготовил пути отхода. И когда казаки кинулись в погоню, пустил по сакме двух матыров, чтобы увели врагов дальше в степь, запутали, закружили, обманули... Сам же с оставшимися воинами ушел по руслу речушки, что затерялась в густых зарослях.

* * *

К вечеру они одолели дневной путь. И стали в глухом ущелье на ночлег. К нему вела тайная тропа, о которой Киркею рассказала Ончас. Тропа горных духов, которые пропускали не всякого. Киркея с его отрядом тоже заморочили бы, отвели, закрыли пути, если б не тайное заклятье, которое поведала Ончас, да кожаный мешочек, что вручила ему старуха. Там хранились сердца трех белых ягнят – лучшее лакомство для горных людей. Их оставили подле обо, над входом в ущелье.

Вскоре вернулись те два матыра, что запутывали следы. Вернулись довольные: казаки долго плутали по степи и уехали несолоно хлебавши.

Разожгли костер. Дым разгонял комаров. Но, чтобы не гневить богиню Огня – От Инее, подкормили пламя кусочками вяленого мяса, что у каждого воина хранилось под седлом. Ведь через От Инее достается пища всем окрестным духам и властителю таг-ээзи⁸ Хубай-хану.

Поужинали тем же мясом да копченым сыром хурут, чьи круглые лепешки висят на жердях хуртус над очагом в каждой юрте. Запили еду родниковой водой. Двух воинов поставили в караул. Остальные расстелили на камнях попоны, подложили под головы седла и мигом уснули богатырским сном.

Киркей и Айдына сидели возле костра.

Орысская баба тоже не спала, не спускала глаз с Айдыны. Звали ее чудно – Олена. Оказалась она совсем не старой, крепко сбитой девкой, а в бедрах и в груди обильнее двух вместе взятых чаадарских молодок.

Расстегнув на груди рубаху, Олена распустила косу и расчесывала волосы деревянным гребнем. Заметив взгляд Киркея, расплылась в улыбке. Похоже, ее совсем не тяготил плен. А вот Айдына вела себя странно. Очень сдержанно, строго, и отстранилась, когда Киркей захотел обнять ее – просто как старый друг, просто от счастья, что снова увидел ее живой и здоровой. Но она сердито дернула плечом и только что не оттолкнула его. Рассказать, как погиб Теркен-бег и его дружинники, Айдына отказалась. На вопрос Киркея, зачем орысы ее, раненую, выхаживали, если поначалу хотели убить, фыркнула и смерила его гневным взглядом. Но, главное, совсем не удивилась, что Ирбек выжил. Только пробормотала что-то, судя по ее лицу, не слишком доброжелательное.

Киркей пытался понять, что случилось с подругой? Гибель отца повлияла или орысский плен? Еще его волновало, что Айдына расплела девичьи косички сурмес. Теперь у нее тулун – коса замужней женщины. Неужто кто-то из орысов взял ее в жены? Насильно взял или по согласию? Сердце его тревожно билось. Когда-то Киркей поклялся убить всякого, кто покусился бы на честь Айдыны. Но кого он должен теперь убить? От Айдыны вряд ли добьешься ответа – так, может, подступить к Олене с расспросами?

Он снова посмотрел на орысскую девку. Та обвила косу вокруг головы, накинула платок, закуталась в кошму. Взгляд Киркея встретила спокойно, но в темных глазах будто искры вспыхнули. Он тотчас отвернулся. Гадко было сознавать, что манило его к орысской девке, влекло против воли, как влечет пропасть или темный водоворот. Даже присутствие Айдыны не спасало. Радость от встречи с любимой потухла, столкнувшись с ее ледяным взглядом.

Айдына точно забыла о нем. Перекинув косу на грудь, перебирала темные пряди и по-прежнему молча смотрела на пламя костра. Дух огня резвился от души, радуясь обильной пище: с треском раскусывал хворост, подбрасывал искры, закручивал дым в тугую плеть...

С детства любила Айдына смотреть, как играет пламя. Огонь очищает и освобождает, дарит покой и отдохновение... Что ещё нужно человеку для счастья? Вот так сидеть у костра,

⁸ Хозяева гор.

слушать потрескивание смолистых поленьев, наблюдать, как в огне ёжится и осыпается наземь пепел, и провожать взглядом яркие искры, взлетающие к небу затем, чтобы погаснуть среди приветливого мерцания звезд – разве это не предел желаний, достойных сердца воина?

Она все для себя решила. Первым делом навечно забудет об орысе с золотыми кудрями. И пусть нет-нет да отзывалось сладкой дрожью то дивное чувство, которое Айдына испытала при первом его прикосновении, уже другие мысли и чувства теснились в ее голове, наполняли душу, изгоняя прежние – самые счастливые. Но те упорно сопротивлялись, рвались обратно, поэтому до поры до времени девушка спрятала их в самый надежный тайник – в своем сердце, не доверяя никому, даже Киркею. Она повзрослела за время их разлуки, стала женщиной. В ее руках была судьба улуса. Айдына ни на миг не сомневалась: власть отца перейдет к ней даже в том случае, если Ирбек призовет на помощь всех темных духов, нижних богов и сонм верных тёсей. Но у нее есть свои защитники, не менее могущественные: любовь и мудрость матери, сила и воля отца.

Но снова кольнуло сердце. Мирон! Что он думает сейчас? Как пережил ее побег? Наверно, чуть не сошел с ума от ярости, от понимания того, что его обвели вокруг пальца. Айдына чувствовала эту ярость на расстоянии. Но его любовь тоже чувствовала. Она не давала ей покоя, не позволяла забыться во сне. Она тревожила и манила, отчего сладкая истома растекалась по телу, хотелось закрыть глаза и вновь изведать то блаженство, которое она испытала в их первую и последнюю ночь. Отхлебнула глоток, но не напилась, ступила шажок, но дальше зайти не посмела...

Айдына подтянула к груди колени, обняла их руками. Рядом пристроился Адай. Положил большую голову на вытянутые лапы и то и дело поднимал ее, следил печальными глазами за хозяйкой. Понимал, что-то происходит в ее душе. А она, стиснув до боли зубы, смотрела на языки пламени, и ей казалось, что это огненные хыс-хылых, сплетя крылья, плывут в ритуальном хороводе.

Где-то в степи звонко заржала кобылица. И тотчас отозвались жеребцы в стане Айдыны. Приподнялся на лапах и грозно заворчал Адай. Кто там в ночи? Неужто орысы не успокоились, послали вдогонку новый дозор? Мигом вскочили на ноги матыры, затушили огонь попоной. Взлетели на коней, обнажили клинки.

Как впустило их ущелье, так и выпустило. Но снова заржала кобылица, совсем рядом, за сопкой, над которой повисла полнощечая луна. Воины Киркея обмотали морды лошадей арканами, чтобы жеребцы не ответили на призыв, не выдали их присутствия. Адая взяли на поводок.

И притаились среди огромных камней.

Ждали недолго. На склоне сопки показались верховые. Вырос частокол пик. Для орысского дозора многовато всадников. Но рассмотрел Киркей зорким глазом: нет, то не казаки. Все конники в кыргызских доспехах – куюках и шлемах. Свои, получается, но какого рода-племени? В слабом свете луны не разглядишь тамги на сбруях, не разберешь, что вышито на знаменах.

Он сделал знак матырам оставаться в тени, а сам выехал навстречу незнакомым воинам. Айдына метнулась следом, но он прошипел сердито:

– Куда, девчонка? Смерти хочешь?

И Айдына отступила. Плохо воевать, когда из оружия у тебя один нож. Он хорош в ближнем бою, но бессилен перед мечом и саблей. Что ж, она покорится на этот раз, но придет время, и Киркей пожалеет, что назвал ее девчонкой в присутствии матыров. Очень пожалеет...

Но обошлось без стычки. Со склона спустились два всадника. Встретились с Киркеем на поляне у подножия сопки. И в свете луны разглядела Айдына двуххвостое полотнище флага, на котором красовались родовые тамги Езсерского улуса – волчья голова с одной стороны, а с другой – дикого козла-емана.

Тайнах? Но что он делает со своим войском в аймачных землях Модорского улуса? Почему рыщет по степи ночью?

Киркей в сопровождении Тайнаха и дружинника-оруженосца подъехал к своему отряду и тихо окликнул:

– Айдына!

Девушка видела, как натянул поводья Тайнах. Лошадь под ним загарцевала: видно, передалось волнение хозяина.

– Айдына? – воскликнул он удивленно. – Жива? – и направил коня ближе. Решил удостовериться, что не обманул его Киркей.

– Жива! – Айдына гордо вздернула подбородок. – А ты, сын Искера, хотел, чтобы я умерла? Как умер мой отец и его воины? Куда ты направляешься? Неужто в земли моего улуса? Прослышал, что он остался без вождя? Так заруби себе на носу: я, дочь Теркен-бега, заменю отца. Других ажо в моем улусе не будет!

Она слышала за спиной взволнованный ропот своих матыров, видела, как закаменело лицо Киркея, но Тайнах, закинув голову так, что на шее проступил острый кадык, расхохотался. И хохотал до тех пор, пока не поперхнулся степным ветром. Айдына с усмешкой на губах наблюдала, как Тайнах пытался отдышаться. Дождалась. Вытирая слезы от надсадного кашля, Тайнах проговорил:

– Кто бы сомневался, Айдына, что ты заменишь отца. Но нужно ли твоему народу, чтобы его возглавила женщина? Захотят ли воины Чаадара встать под твоё знамя?

– Мы будем биться с тобой на мечях, – процедила сквозь зубы Айдына. – И тогда посмотрим, захотят ли твои воины встать под знамена побежденного бега.

И следом добавила вкрадчиво:

– Ты забыл, наверное, как недавно лежал у моих ног, а острие моей сабли касалось твоей груди? Тогда ты жаждал меня убить, и что из этого вышло?

– Тебе повезло, Айдына, – даже в слабом свете луны стало заметно, как побагровел Тайнах. – Но это не значит, что повезет сейчас.

И выхватил из ножен короткий меч. Айдына повелительно протянула руку, и Киркей вложил ей в ладонь клинок, тот самый, который ему дала Ончас. Он понимал, что Айдыну уже не остановить. Не смущало ее и то, что Тайнах был в куяке и в шлеме, а она – в шароварах и в рубахе, а на голове – одна защита, платок, который она тотчас сбросила, оставшись простоволосой.

Всадники охватили поляну плотным кольцом. Но вдруг сквозь этот заплот пробилась Олена. В одной рубахе, босиком, с распущенными волосами, она смахивала на ведьму-шулмус, только кулаки у нее были тяжелее.

– Ах ты, ирод! – надрывалась Олена, расталкивая воинов Тайнаха.

И те в недоумении расступались, не понимая, откуда взялась эта женщина с перекошенным от ярости лицом.

– Чего удумал, косорылый! Мою Айдынку воевать?

Адай, рыкнув по-медвежьи, вырвал ременный повод из рук державшего его матыра и ринулся вслед за Оленой. А та уже выскочила на поляну и, растопырив руки, грудью пошла на Тайнаха, продолжая вопить не своим голосом:

– Ах ты, погань бесерменская! Брось саблюку, а то снесу башку непутевую.

Она подхватила с земли камень, замахнулась. Адай со свирепым лаем подпрыгнул, пытаясь схватить коня Тайнаха за морду. Тот поднялся на дыбы, дико заржал. Одновременно столь же дико закричала по-русски Айдына:

– Уйди, Олена! Тайнах убьет тебя!

И уже на родном языке:

– Адай! Прочь! Ко мне иди!

Но Олена и пес вошли в раж. Адай кружил вокруг коня, кусал за ляжки, за брюхо. Конь отчаянно ржал, взбрыкивал, лягался, но пес всякий раз ловко увертывался и бросался снова. Пена клочьями летела из оскаленной пасти.

И все же Киркей изловчился, схватил его за холку, оттащил с поляны, придавил коленом. Адай не сдавался, норовил полоснуть зубами, царапал когтями землю, визжал. Но Киркей держал его крепко. Подоспевшие на помощь воины помогли связать лапы пса арканом.

А Олена не отставала от Тайнаха. Удерживая одной рукой коня под уздцы, второй она тянула езсерского бега за кафтан, пытаясь стащить его с седла. А он хохотал, изворачивался, как горноста́й, отпихивался ногой. Только напрасно. Олена вцепилась в него мертвой хваткой. Правда, уже не голосила, а, сопя, бормотала под нос проклятья.

И тогда Тайнах изловчился, вздернул ее за косу вверх и перебросил через седло. Рванул рубаху, обнажив молочно-белое тело. Олена завизжала, но Тайнах пришпорил коня, и тот понес его в степь. Следом, с места в галоп, рванулась его дружина. Вздогнула земля от топота сотен копыт, веером взметнулись мелкие камни. И как водой смыло, порывом ветра снесло войско езсерского бега. Айдына растерянно смотрела вслед. Последняя ниточка – Олена, связывавшая ее с острогом, – оборвалась...

Глава 6

Темной ночью, обмотав копыта лошадей кошмами, отряд Киркея вошел в аал. Вошел скрытно, как велела Ончас. Старуха встретила их возле юрты, словно и не уходила с той поры, как они отправились за Айдыной. Девушка скользнула в юрту, Ончас – за ней. И только тогда бросилась к внучке. Обняла ее за плечи, строго взглянула прямо в глаза, спросила:

– Ты готова?

Айдына молча кивнула. И тогда Ончас зашлась в тихом плаче. Всхлипывая, она гладила внучку по лицу, перебирала ее волосы. Но недолго плакала. Отстранилась и поджала губы, мигом превратившись в прежнюю Ончас.

– Спать ложись! – приказала сурово. – Подниму на заре. Завтра нелегко придется. Выдержишь?

– Выдержу! – Айдына закусила губу и посмотрела на Киркея. – Утром оседлаешь для меня Элчи.

– Элчи еще не объезжена, – насупился Киркей.

– Я не спросила, объезжена Элчи или нет, – Айдына вздернула подбородок. – Я велела оседлать ее.

И, повернувшись к Киркею спиной, ушла на свою половину юрты.

– Пойдем! – Ончас толкнула его в плечо. – Чего ждал? Айдына – наша княжна! Ей – приказывать, тебе – повиноваться!

И вышла вслед за ним наружу.

Айдына заснула сразу, стоило голове коснуться подушки. И снова увидела прежний сон: зеленую поляну, а на ней удивительного коня – белого, с черными пятнами. И опять непонятно было, то ли стоял конь, то ли висел в воздухе. А на коне – молодой всадник. Волосы и борода золотом отливают и кольцами завиваются, совсем как шкурка молодого барашка. А глаза той же небесной голубизны. И одет всадник в те же одежды: кафтан на нем алый, будто вечерняя заря, а по нему серебряные звезды сверкают. Пояс шелковый, и сапоги необычно скроены. Только теперь она знала его имя. Мирон! Ее любимый. Но как испугалась Айдына, увидев его. Отпрянула, принялась глазами искать, где спрятаться. Но Мирон улыбнулся ласково, протянул к ней руки. Теплые пальцы коснулись ее запястья. Мимолетное касание, словно порыв ветерка... И голос его услышала. «Айдына, – сказал Мирон, – радость моя!..»

Не знала она орысского слова «радость», но почувствовала, как разлилось по телу тепло – пленительное, будто солнечный луч в начале весны. Как запах первых цветов, сводившее с ума, воистину колдовское очарование вложило ее руку в ладонь Мирона и безрассудно повело по ступеням крыльца вверх, в его покой. И там, без тени колебания, безбоязненно приникла к нему, как приникает к земле трава, чтобы напиться ее соками...

Она проснулась, хватая ртом воздух, как после долгой скачки против ветра. Проснулась на своем девичьем ложе, одна, с мокрым от слез лицом. И долго лежала с открытыми глазами, бездумно уставившись в темноту. Воспоминания рвали сердце.

Айдына уткнулась лицом в подушку и глухо застонала, замычала, как раненая оленуха. Утром она сядет в седло воина. Исполнится давняя мечта! Но почему ж эта давняя мечта сбывается через великое горе, боль утрат и потерю любви? Завтра она даст обет провести свою жизнь в седле, охраняя свой улус, защищая свой народ...

Но сейчас ей ничто не мешало прощаться с любовью. Той любовью, которая проснулась в ней прежде, чем она поняла, что такое любовь. Той любовью, что опутала ее чарами, вытеснив ненависть и подозрения. Там, в остроге, она чувствовала присутствие Мирона даже за толстыми стенами, а его взгляд преследовал днем и ночью...

Ведь поначалу она ненавидела и его, и Олену, и Захарку, и Фролку – всех, кто почти все время был рядом: кормил, поил, развлекал, что-то говорил, больше непонятно, но ласково, менял повязки, промывал рану отварами...

Она терпела, смирившись с тем, что слаба, и только закрывала глаза, чтобы не выдать свою ненависть. Едва подняв голову от подушки и оглядевшись по сторонам, она готова была порвать зубами любого орыса. Верила, что воины Мирона убили отца и его дружинников. Но прошло время, и она поняла, что орысы здесь ни при чем.

Многие слова из речи орысов она узнала еще от Фролки и Никишки – бывших пленников ее отца. Быстро схватывала чужой язык Айдына. Другое дело, что не всегда показывала, как хорошо владеет им. Она слушала, сопоставляла, сравнивала, а после увидела у Мирона нож, который орысы нашли в теле ее отца, и все поняла. Страшным оказалось то откровение. Но во сто крат усилило ее желание вернуться в родной улус. Только из острога не спешили отпускать. Может, боялись за ее жизнь или что-то другое мешало?

Она снова закрыла глаза, надеясь увидеть Мирона, но увидела другой сон – страшный...

Над ее головой ярко сияли звезды. В воздухе висел тяжелый, раздиравший ноздри запах крови. Рядом возвышалось родовое знамя, воткнутое древком в раскисшую землю: на тяжело обвисшем зеленом полотнище – головы семи белых волков, хранителей Чаадара.

Она лежала на грязной мокрой кошме, а к ее шее приник Киркей... Увидев, что Айдына очнулась, оторвался от нее и, сплюнув наземь багровую слюну, пробормотал с угрюмым видом:

– Тебя стрелой ранило. Если б кровь сгустилась в комок, его по жиле могло бы унести в голову или в сердце. Это верная смерть, поэтому я отсасывал комки твоей крови, пока рана не закрылась.

Айдына оттолкнула его. Попыталась встать – и упала навзничь. А прямо над головой вновь затеяли свой хоровод огненнокрылые хыс-хылых. Кто-то подхватил ее на руки и понес. Точно не Киркей. Она видела лишь пластины железной кирасы перед глазами и точечные заклепки на них. Поднять голову не хватало сил. А Киркей остался позади. Он стоял по колено в сухой траве, с бурой коркой на лице, сжимая в одной руке обломок меча, а в другой – островерхий шлем. Конский хвост на шишаке слипся то ли от крови, то ли от грязи. И становился все меньше-меньше. А перед ней в мертвенном свете луны открывалась степь – рыжая бескрайняя степь, усеянная телами воинов. По ней бродили кони, бряцая удилами, выли псы, одуревшие от запаха крови. А огромный ворон, сидевший на древнем камне, вытягивал голову, оглушительно каркал и разводил крылья – созывал жадную до мертвечины черную братию на страшное пиршество...

– Вставай, Айдына! – раздался над ухом голос Ончас. – Время пришло! Собирайся!

На вытянутых руках она держала одежду воина: шаровары, рубаху, сапоги из толстой кожи, а еще боевой пояс с серебряными бляхами – тамгами Чаадарского улуса и наконецниками стрел. За спиной Ончас – два матыра с доспехами: халат, прошитый конским волосом и подбитый железными полосками, шлем с кольчужной бармицей, железные наручи и наколенники. Тяжелы доспехи, не для хрупких женских плеч, но Айдына надела их безропотно, удивившись, как ладно они скроены – не малы, но и не велики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.